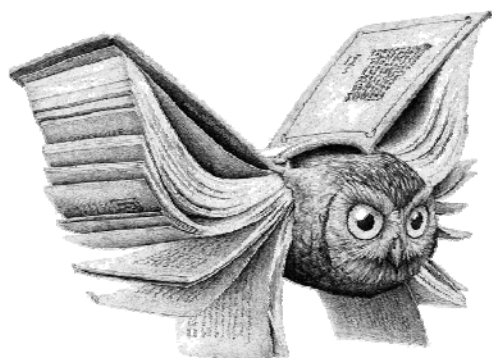
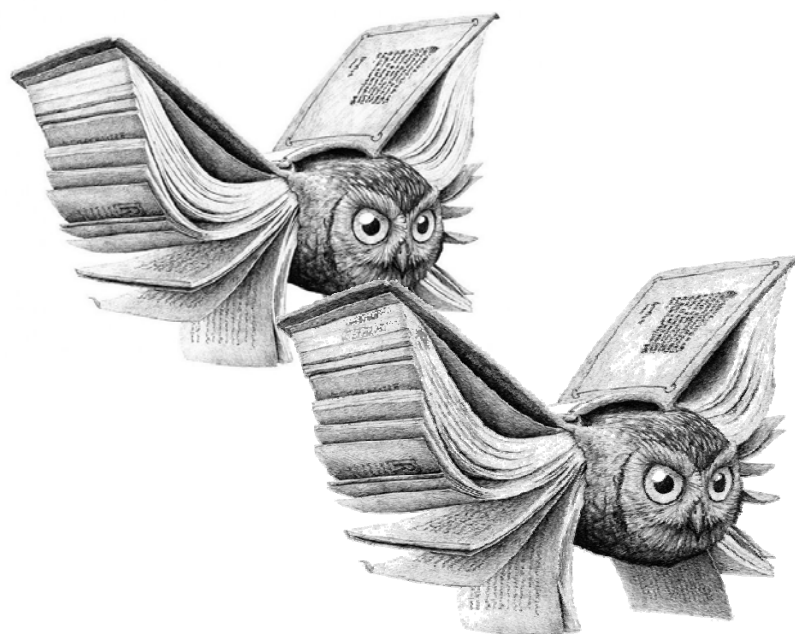


№ 1 (6)' 2017
Апрель



СОФИЯПОЛИС



Электронный научный журнал
гуманитарных исследований

Редакционный совет

Бернюкевич Т.В. – доктор философских наук, профессор кафедры философии Забайкальского государственного университета

Иванова Ю.В. – доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории культуры, искусств и дизайна Забайкальского государственного университета

Нестеров А.Ю. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Самарского национально-исследовательского университета им. академика С.П. Королева

Павлов А.В. – доктор философских наук, профессор кафедры философии Тюменского государственного университета

Шемелин А.В. – доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-правовых дисциплин Забайкальского государственного университета

Главный редактор

Крылов Д.А. – доктор философских наук, президент Забайкальской гильдии политологов и социологов, руководитель школы "Новые софисты"

Редакционная коллегия

Горковенко А.Е. – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Забайкальского государственного университета

Романов И.А. – кандидат филологических наук, декан факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета

Черняк Е.Г. – директор Образовательного центра дополнительного обучения ЧОУ ДПО "Интегра"

Янков И.В. – кандидат философских наук, доцент кафедры Мировой Экономики и Логистики Уральского государственного университета Путей Сообщения (УрГУПС)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	3
РАЗДЕЛ I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ	5
Крылов Д.А. Бремя утопий и химеры целесообразности	5
РАЗДЕЛ II. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ	14
Иванова Ю.В., Финоженок Д.Н. Система образования в информационном обществе: традиции и новации	14
РАЗДЕЛ III. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	22
Ли Пин (КНР) Заимствованные слова в общественно-политической жизни России	23
Логинов И.М. (КНР) Китаизмы и китайская интерференция в русскоязычной речи	32
Цзян Ин (КНР) Лингвокультурная интерференция в китайских рекламных вывесках на русском языке в приграничном городе КНР	43
Горковенко А.Е. Влияние русской нереалистической литературы на становление китайского постмодернизма	50
Романов И.А. Русская литература в эпоху распутя	63
Петухов С.В. Восприятие творчества А.П. Чехова в социокультурном пространстве Китая	69
РАЗДЕЛ IV. ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ, СООБЩЕНИЯ	84
Нивьер А. (Франция) Три письма Ивана Ивановича Шувалова, находящиеся в парижских библиотеках	84

ОТ РЕДАКТОРА

Что же происходит с высшей школой в России? Сегодня этот вопрос требует не просто рассуждений о падении уровня образования или авторитета университетов, а непосредственной оценки деятельности властных институтов. Чего, скажем, стоят рассуждения нынешнего министра образования и науки России О.Ю. Васильевой: «Мы – народ пассионарный, мы мелко мыслить не умеем. Нашему человеку тогда хорошо, когда и рядом человеку хорошо. Когда-то мы первыми полетели в космос, а сегодня мы бьемся за новые высоты в технологических отраслях. У нас страна, уважающая знание. Чем плоха эта наша традиция?»

Ведь это же некий набор пропагандистских клеше. Такое ощущение, что человек завис в идеологизированном прошлом и не способен принять изменившиеся жизненные условия. Спрятаться за идентичностью стремятся сегодня так, как будто это спасительная раковина, гарантирующая спокойствие на веки вечные. Хронотоп постоянно деформируется и в нем нет спасительной преемственности. Та же история России полна противоречий и взаимоисключающих фактов, которые должны интерпретироваться на уровне рефлектирующего сознания, а не приниматься на веру.

В противном случае, можно до бесконечности рассуждать об уважении к знанию и интеллекту, если подлинной целью является воспитание крепостного сознания. Принципы политического послушания детерминируют всю систему образования, рождая лишь систему из запретов, строгих предписаний и принудительного образа мысли. И это понятно, так как речь идет об авторитарной системе образования. Как писал М. Фуко: «Сколько бы ни утверждалось, что образование по неотъемлемому праву является средством, открывающим для любого индивида в обществе, подобно нашему, доступ к дискурсу любого типа, – хорошо известно, что в свое распределении, в том, что оно позволяет и чего не допускает, образование следует курсом, который характеризуется дистанциями, оппозициями и

социальными битвами. Любая система образования является политическим способом поддержания или изменения форм присвоения дискурсов – со всеми знаниями и силами, которые они за собой влекут».

Так вот, в нашем случае, высшая школа не способна к выполнению миссии университета из-за полицейско-бюрократического дискурса, стоящего на пути свободного производства и распространения знаний. Нет здесь никакого уважения к знанию и уж тем более, к поиску истины. Этим обеспечивается не расцвет а закат разума, низводимого до уровня банальной тождественности с не рефлектирующей массой. Мышление не должно слепо довольствоваться догматически навязываемой мифологией, оно обязано выходить за ее пределы, ибо только мышление и есть у человека.

Легко превратиться в человека массы, которым можно стать даже имея образование, но который, согласно Х. Ортега-и-Гасеет, не более, чем цивилизованный варвар, ограниченный в своем мировосприятии специалист. Он такой же заложник мифологии и самых примитивных верований, господствующих или спускаемых сверху идей, требующих от человека лишь беспрекословного повиновения.

Здесь нет места новым идеям, а все обещания технического прорыва не более чем политическая бравада в мире, где фасады отменили внутреннюю сущность. Интеллектуальный потенциал остается невостребованным за редкими исключениями. При этом социальный статус вообще мало привязан к высшему образованию как таковому, которое воспринимается как внешний, а не внутренний фактор. Едва ли те, кто стоят у власти и говорящие о сохранении традиций, готовы способствовать формированию активной социальной и интеллектуальной среды. Вся их деятельность сводится к умножению бюрократических издержек и присвоению функций демиурга, творца перемен.

*Главный редактор «Софияполис»
Дмитрий Крылов*

I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 321.7

Д.А. Крылов
Забайкальская гильдия
политологов и социологов,
президент,
доктор философских наук
E-mail: dmdak@yandex.ru

Бремя утопий и химеры целесообразности

Аннотация: В статье поднимается проблема, связанная с необходимостью пересмотра цивилизационной модели России. Утверждаясь в самомнении о собственной исключительности и, соответственно, недружественности окружающих стран, Россия обрекает себя на одиночество. Для автаркии ценен лишь внутренний мир, когда даже прозябание может быть объявлено высшей целью для существования. Парадоксальностью здесь оказывается то, что установка на автаркию накладывается на идею мессианского распространения собственной цивилизационной модели на весь остальной мир. Итогом оказывается стремление не к сосуществованию, а постоянный вызов иному, приоритет частных истин над универсальными, как не соответствующими внутреннему образу власти. Такова общая канва рассуждений.

Ключевые слова: Утопии, телеология, парадигма, дискурс войны, автаркия, бремя державы.

D.A. Krylov
Trans-Baikal association
of political sciences and sociology,
President,
doctor of philosophical Sciences (PhD)
E-mail: dmdak@yandex.ru

The burden of utopias and chimeras feasibility

Annotation: The article raises the problem associated with the necessity of a revision of the civilizational model of Russia. Strengthening himself in the conceit of their own exclusivity and, accordingly, unfriendly neighbouring countries, Russia condemns himself to loneliness. To autarky for a valuable inner peace when

even stagnation can be declared the highest goal of existence. The paradox here is that economic autarky is imposed on the Messianic idea of the spread of its cultural model on the rest of the world. The result is not a desire for coexistence and a permanent challenge to the other, the priority of private over universal truths, as relevant domestic authorities. This is the General outline of the reasoning.

Keywords: Utopia, teleology, paradigm, discourse of war, autarky, the burden of power.

Отечественный писатель-фантаст Сергей Лукьяненко обратил внимание на то единомыслие собратьев по цеху, которые по некому шаблону создают военно-патриотические утопии, призванные обеспечить главенствующее место России в будущем мире [3]. При этом, именно война оказывается основным инструментом достижения величия государства, что не может не настораживать.

Даже при первом приближении к проблеме мы получаем весьма любопытную картину: на полях альтернативной истории конструируется прошлое и будущее прекрасной страны. От «Бремя империи» Александра Афанасьева и до «Звездолета "Иосиф Сталин"» Владимира Перемолотова, взятых для примера, идет описание могучей державы. Соответственно, прославляется и героика войны, как доказательства могущества и величия.

Можно выразить сомнение, так как мы избрали для анализа «легкий жанр», а не научные трактаты, хотя и здесь можно было бы попробовать для сравнения предложить роман Майкла Муркока «Кочевники во времени» или роман Брайна Олдисса «Сверхдержава», где есть прекрасный заключительный тезис: «"БЕЗУМЦЫ": все организмы выживают благодаря самоуверенности. Печеночная двуустка считает себя Создателем» [6, с. 220]. Идея империи неразрывно связана с необходимостью осуществления внешней экспансии и войны. Поэтому и дискурс здесь приобретает однозначный характер – будет война.

Пафос военно-патриотической тематики проник и в современную риторику политиков, стремящихся доказать историческую правду России и ее

право на мировое лидерство. При этом отбрасываются любые доводы логики, основанные на оценке экономических возможностей страны, уровне жизни собственного населения, отсутствии условий для подлинной модернизации, засилии административно-управленческих структур, коррупции, неразвитости среднего и малого бизнеса, откровенной пассивности населения и целого ряда иных факторов, призванных дать полноценный анализ состояния дел. В духе средневековых идей воскрешаются номадические представления о «людях длинной воли», которые были призваны идти путем героев.

Отметим, что того же Л. Гумилева, описавшего людей «длинной воли», читают весьма избирательно и, скажем, не отмечают его рассуждений о том, что в периоды «зигзагов истории» противодействие двух систем не вызывает проблем и решается противопоставлением «мы – наши враги», тогда как при противостоянии трем и более системам, получить решение уже трудно [1, с. 7]. Ведь речь идет о противопоставлении как жесткой дихотомии: «плохие – хорошие», «черное – белое», «правильное – неправильное», «свой – чужой». Этим поддерживается постоянная напряженность, которая исключает иные формы коммуникации, направленные на признание равных отношений и множественности представлений. Соответственно, что множественность рассматривается как нечто ущербное, вредящее внутренней целостности и единству.

Взгляд со стороны редко воспринимается как объективный, если он не является хвалебным словом в адрес российской цивилизации, несущей бремя великодержавной политики. Внутренние скептические воззрения также оцениваются как враждебные и недостойные патриотических убеждений. Тем не менее, автократическая система с ее приоритетом частных истин над универсальными едва ли может сохранить статус «священной коровы». И уже довольно сложно отказываться рассматривать оценки, даваемые англоязычными исследователями, которых удивляет стремление русских не просто утверждать ценности своей идентичности, но и превратить их в

масштабное превосходство над всеми остальными народами, вплоть до подчинения себе тысячелетней чужой истории.

Плодится дилетантская история, где древняя славянская культура объявляется исконной для иных культур, от шумерской до древнегреческой: «Книжные полки ломаются под тяжестью еще более амбициозных утверждений: будто древние этруски были предками русских, будто Иерусалим был русским городом и что поэтому Христос был русским пророком. Или уже совершенно наоборот, согласно одной из особо на шумевших теорий, в мировой истории нет ничего древнее тысячи лет, и Александр Македонский просто выдумка времен царя Ивана IV Грозного (XVI в.)» [4, с. 23]. Порождаемая мифология, действительно, не банальная дань неопределенности дня. Здесь просматривается общая установка на утверждение единственно правильного времени и, соответственно, подлинных его участников. Хотя, кто сказал, что критики не преследуют собственных целей, подвергая сомнению русский дискурс о «существенном» времени и присутствии в нем России.

Но вот как быть с оценками, даваемыми России, скажем, китайским исследователем Ма Фэншу, который пишет (опираясь и на российских мыслителей) о том, что у страны никогда не было исконных корней, развивавшейся как пограничная культура с чувством неполноценности и претензией на особенность? Заимствования и подражания способствовали лишь скачкообразности и фрагментарности в развитии. Религиозностью пронизана жизнь русского человека, отличающегося антиномическим сознанием и внутренней противоречивостью, недоверием к окружающему миру. Внешняя опасность послужила целям не только увеличения военной мощи, но и расширения собственных границ, сформировав как итог великодержавный комплекс в национальном характере, где важное место отводится не чувству ценности принадлежности к семье, а патриотизму и национализму, что несет в себе непосредственную угрозу.

Исследователь ссылается здесь на Б. Рассела, утверждавшего: «Патриотизм легко приводит к милитаризму и империализму. Главным способом продвижения интересов нации является убийство, а интересов семьи – коррупция и интриги» [5, с. 11]. И уже как вывод звучат заявления китайского ученого о том, что критическое отношение к демократии определяется все тем же комплексом сильного государства, где есть место только сильной личности или монарху. Дополнительно стоит обратить внимание еще на один вывод: «Россия всегда стремится поддерживать отношения с другими сильными государствами и находиться в компании великих мировых держав, а к слабым государствам она зачастую относится по-другому. Политика России в отношении западных держав основывается на принципе «разделяй и властвуй», создании горизонтальных и вертикальных союзов, использовании механизмов сдержек и противовесов. В отношении развивающихся государств Востока Россия проводит более жесткую политику притеснения, колонизации и экспансии» [5, с. 14].

Отметим, что данные выводы сделаны не для преднамеренного очернения имиджа страны. Исследователь вполне беспристрастен и стремится к объективности при оценке особенностей цивилизационной модели России: «Ярко выраженный национализм и сильное чувство патриотизма, присущее русскому народу, дает правительству возможность с легкостью вызывать у него национальный энтузиазм, проводить полную мобилизацию и использовать всю национальную мощь страны, объединяя воедино весь народ. Отражая агрессию или вторгаясь на чужую территорию, русский народ всегда демонстрирует потрясающую сплоченность. Со времен свержения татаро-монгольского ига Россия ни разу не была оккупирована врагом, а в критические моменты истории происходил ее необыкновенно быстрый и крупномасштабный рост, что сыграло решающую роль в становлении России как великой державы. <...> России, напротив, свойственен «дух конфликта и завоеваний» – она прославилась своей

смелостью, авантюризмом, готовностью не только защищаться, но и нападать» [5, с. 18].

Исследователь движется в контексте сравнения двух культур и отмечает приоритет идеи государства в России, над идеей семьи, которая является более важной для Китая. Считать ли это преимуществом или недостатком можно лишь в контексте тех целей, которые преследует политический актор. В российском варианте мы отмечаем несомненный перекоп в пользу политического тела – государства, по отношению к которому возможны лишь проявления патриотических чувств. Этатистские настроения, как и требование служения отечеству, метафизические конструкты и требование самоотречения, исключали ценности иного существования если в нем не было героического начала. Поэтому и не важно то, что в данный момент социальные невзгоды отходят на второй план, уступая место задачам демонстрации героического опыта. Этому же подчинена идентичность в ее мобилизационном формате, который исключает любые интеграционные процессы. Это тем более очевидно, когда речь идет об имперской модели с ее исключительностью и самодостаточностью.

По мнению Ричарда Рорти переизбыток национальной гордости порождает воинственность и империализм, а не чувства эмоциональной вовлеченности в жизнь собственной страны: «чувства сильного стыда или воодушевляющей гордости, вызываемые различными страницами ее истории или разными направлениями в сегодняшней национальной политике. До тех пор, пока гордость перевешивает стыд, такая дискуссия, вероятно, не состоится» [2, с. 11].

Многократно тиражируемые российскими СМИ, патриотически ориентированными писателями, придворными интеллектуалами и политиками рассуждения о национальной особенности не оставляют места для рассуждений о той цене, которую российский народ вынужден платить за деятельность собственной власти. Массам предлагаются рассуждения об особом историческом пути и некоей мессианской цели по распространению в

мире ментальной правды, тех частных истин, которые должны придти на смену универсальным ценностям неправильного либерально-демократического мира. Сами же массы отнюдь не противятся воспроизводству архаической мифологии и не демонстрируют желания к обретению «нового мышления».

Инициатива за созданием мифологических образов, разумеется, принадлежит власти предрержащим, которые назначают врагов, демонизируют их, а заодно и тех, кто не согласен с подобной политикой внутри страны. За собою власть оставляет абсолютное право на сплочение нации или «единого народа» российского, что исключает любые альтернативные идеи или конкурентную политическую борьбу. Ведь на путях противостояния с врагом возможны лишь принимаемая жертвенность и отрицаемые трусость и предательство. Тем более, что скудоумие не предполагает глубокую рефлексию и понимание подлинных причин производства врага.

Производство врага требует меньших интеллектуальных затрат, чем поиск вдохновляющих образов будущего, сравнение которого с настоящим может вызывать критические настроения и порождать лишние вопросы. В результате, ожидание прекрасного будущего порождает чувство недовольства от безысходности настоящего. Советский строй оказался бессильным породить будущее и в итоге, прошлое оказалось более привлекательным, хотя и столь же неопределенным. Архаика выступает сегодня в качестве химерической сущности, набора разных представлений и образов мышления. Она призвана закрепить зависимость человека от идентичности и предустанавливаемой свыше судьбы.

Здесь можно было бы упомянуть об исторической инерции, которая преследует российское сознание, не способное принять усложнение бытия. Общество с подобным мышлением не пригодно для модернизации и легко отходит от курса перемен. Но всего этого явно недостаточно, чтобы понять процессы циклично происходящие в России, где общество как актер практически не выражен и демонстрирует политическую инфантильность.

Как полагает А. Рябов: «Отправным пунктом процесса возрождения архаики стала реставрация системы личной зависимости, клиентелизма как системообразующего фактора во властных отношениях. Связано это было в первую очередь с возвращением номенклатурного принципа в формировании и структурировании властной элиты» [7, с. 7].

Отметим, что исследователь несколько преувеличивает значение борьбы бюрократии и олигархии, которая едва ли «дотягивала» до эпохи смут и статуса семибоярщины. В условиях когда власть является собственностью, обладание ею не может рассматриваться вне иерархической системы отношений. Благополучие и падение фаворитов и чиновников зависит здесь от желания автократа. Характерно, что все разговоры о «среднем классе» также оказались блефом в пользу внешнего реноме. В итоге, он так и не сформировался и не приобрел политическую и экономическую мобильность. Восстановление символов православной империи и рассуждения о «духовных скрепах» говорит не столько об истории страны, сколько о легитимации прежней формы авторитарной власти, где автократические владыки единолично определяют судьбу своей вотчины – страны и его подданных народа. Оформление этой идеи еще не завершено, так как плохо сочетается с отголосками советской идеологии и перелицованный государственный гимн сохраняет исходный подтекст.

Дух времени как раз и находит свое отражение на полях альтернативной истории в конструируемых образах наступившего феодального благополучия. Так, М. Юрьев пишет в своем фантастическом повествовании о предшественниках-правителях, с восхваления Иосифа I Великого (Сталина), до пришествия Владимира II Восстановителя и далее о воссоздании исторического трехсословного деления: служилых, духовных и тягловых [8]. Получился некий искомый для единства народного властью учебник истории, переполненный мифами и домыслами, где автор занял позицию жизнеописания без анализа, что, впрочем, простительно для автора художественного произведения. Вместе с тем, здесь следовало бы говорить о

направленности заказа на подобного рода литературу, где присутствует элемент провиденчества или самоисполняющегося пророчества.

И это уже небезопасно, так как страхи и ожидания могут породить чудовищную химеру и никакие целесообразности уже не понадобятся, так как будут выпущены из Преисподней Псы Гекаты и начнется Русский Рагнарёк» на манер «Укуса ангела» Павла Крусанова. Ложные представления вполне могут стать реальностью.

Список литературы

1. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. СПб.: Кристалл, 2001. 767 с.
2. Рорти Р. Обретая нашу страну: Политика левых в Америке XX века. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. 128 с.
3. Лукьяненко С. Бремя утопий // Известия. 2010. 25 августа / URL: <http://izvestia.ru/news/365014> (Дата обращения: 25.02.17).
4. Национальная идентичность в русской культуре / под ред. Саймона Франклина и Эммы Уиддис / пер. с англ. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 254 с.
5. Ма Фэншу. Российско-китайские отношения в контексте сравнительного анализа культур // Вестник РУДН. Серия Политология. 2012. № 2. С. 5-27.
6. Олдисс Б. Сверхдержава: [фантаст. роман: пер. с англ.]. М.: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 220 с.
7. Рябов А. Возрождение «феодалной» архаики в современной России: практика и идеи // Рабочие материалы. Московский Центр Карнеги. 2008. № 4. С. 4-14.
8. Юрьев М. Третья империя: Россия, которая должна быть. СПб: М.: Лимбус Пресс; ООО «Изд-во К. Тублина», 2007.

II. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

УДК 316.3

Ю.В. Иванова
Забайкальский государственный университет,
профессор кафедры теории и истории культуры, искусств и дизайна
доктор философских наук
E-mail: ivanovayuv@gmail.com

Д.Н. Финоженок
программист, Covintus,
Ричмонд, Вирджиния, США
E-mail: dimfin@gmail.com

Система образования в информационном обществе: традиции и новации

Аннотация: В статье поднимается вопрос о том, что система высшего образования остро нуждается в переменах. Диверсификация и выход на новые рынки позволяет несколько снизить остроту кризиса, но решение проблемы не может быть найдено в существующей парадигме. Поэтому лучшие университеты мира пристально следят за новыми образовательными стартапами, пытаясь первыми увидеть новые возможности развития системы высшего образования.

Ключевые слова: Образование, новации, образовательные платформы, стартапы.

Y.V. Ivanova
Transbaikal state University,
Professor, Department of theory and history of culture, art and design
doctor of philosophical Sciences (PhD)
E-mail: ivanova@gmail.com

D.N. Finozhenok
programmer, Covintus, Richmond, VA, USA
E-mail: dimfin@gmail.com

The education system in the information society: traditions and innovations

Annotation: The article raises the question of what the higher education system is in dire need of change. Diversification and entry into new markets allows to somewhat reduce the severity of the crisis, but the solution cannot be found in the existing paradigm. Therefore, the best universities in the world are closely watching the new educational startups trying to be the first to see new opportunities for the development of the higher education system.

Keywords: Education, innovations, educational platform, startups.

Как известно, современная система образования испытывает серьёзные трудности, вызванные развитием процесса информатизации. В обществе наблюдается «инфляция квалификаций»: полученные знания в большинстве профессий устаревают за три – пять лет. Информация, актуальная на момент поступления в высшее учебное заведение, устаревает к моменту получения диплома. Престиж высшего образования, как источника знаний на всю жизнь, стремительно падает. Учащиеся теряют интерес к традиционным методам обучения, предпочитая Интернет аудиторным лекциям и бумажным учебникам. Массовый читатель уходит из обычных библиотек, книжная торговля терпит убытки. Современный человек живет в Интернете, где ежедневное обновление контента – норма. На этом фоне система высшего образования выглядит не соответствующей требованиям времени, что резко снижает привлекательность инвестиций в неё денег и времени. Университеты находятся перед лицом грядущего кризиса.

С другой стороны, сейчас как никогда высок спрос на знания. Наличие нужных компетенций – обязательное условие получения престижной работы. Любой специалист должен постоянно повышать квалификацию, а иногда – полностью переучиваться.

Система высшего образования остро нуждается в переменах. Диверсификация и выход на новые рынки позволяет несколько снизить остроту кризиса, но решение проблемы не может быть найдено в существующей парадигме. Поэтому лучшие университеты мира пристально следят за новыми образовательными стартапами, пытаясь первыми увидеть новые возможности развития системы высшего образования.

Ответом на эти запросы становится феномен MOOC (Massive Open Online Course) платформ, который преобразует современную систему высшего образования, становясь ведущим трендом развития индустрии знания. MOOC платформа – это интернет сайт, предоставляющий инфраструктуру для организации онлайн курсов. Эта инфраструктура позволяет размещать видео-лекции, дополнительные материалы, контрольные задания, систему их автоматической проверки, систему контроля образовательного процесса, систему обратной связи с учащимися. Создание такой образовательной платформы с нуля – сложная технологическая задача, особенно если проект рассчитан на огромную аудиторию. Университету гораздо проще перенести существующие курсы на уже готовую платформу. Образовательные платформы – самый известный тренд последних лет в сфере современных образовательных технологий.

Одним из первых проектов подобного рода стал сайт Khan Academy [1], созданный в 2006 выпускником MIT и Гарварда Салманом Ханом. Образовательный портал, чья миссия – бесплатное образование мирового уровня для каждого в любой точке мира, содержит свыше 300 миллионов микролекций и 1.3 миллиарда заданий по самым разным дисциплинам. Каждый месяц академию посещают 8 миллионов человек [1]. Среди отечественных аналогов образовательных платформ первого поколения хочется отметить Национальный Открытый Университет «ИНТУИТ». Несмотря на несомненный успех данных сайтов, они не изменили образовательный ландшафт, так и оставшись отдельными удачными проектами. Первая волна образовательных платформ использовала преимущества Интернета, как новой коммуникационной среды, но, по сути, оставалась онлайн-копией существующей системы образования.

Настоящий бум образовательных платформ начался с успеха компании Coursera. Ее основатели – Daphne Koller и Andrew Ng, преподаватели Стэнфордского университета. Daphne Koller – специалист в области применения вероятностных моделей в анализе сложных систем; кроме того,

она давно занимается инновационными методами обучения. Andrew Ng – всемирно известный специалист в области машинного обучения, один из создателей SEE (Stanford Engineering Everywhere), образовательного портала на базе Стэнфордского университета. Именно такое сочетание знаний в области анализа и моделирования сложных систем и опыта в работе с образовательными интернет-программами позволило им создать образовательную платформу нового уровня.

Первые три пилотных курса («Искусственный интеллект», «Машинное обучение» и «Введение в базы данных») стартовали осенью 2011 года. Количество записавшихся на эти курсы на порядок превзошло ожидания организаторов и превысило 200 000 человек.

Официально открытие сайта произошло весной 2012 года. Всего за полтора года компания превратилась в ведущую образовательную платформу мира. Сегодня Coursera сотрудничает с 105 ведущими университетами мира [3], среди которых пять из восьми университетов Лиги плюща, Стэнфордский университет, Политехнический университет Гонконга, Федеральная политехническая школа Лозанны, Торонтский и Мельбурнский университеты. Недавно партнерами этой образовательной платформы стали первые российские вузы: НИУ ВШЭ, МФТИ и СПбГУ.

По состоянию на ноябрь 2014 года на сайте размещено свыше 1000 различных курсов, на которых учатся студенты из 190 стран. Количество записавшихся на курсы превысило 22 миллиона человек, отдельные курсы собирают до 240 тысяч студентов [4]. Само обучение бесплатно, при желании студент может заплатить за верификацию сертификата. Несмотря на то, что большинство курсов ведется на английском, на Coursera можно найти курсы и на других языках. Для того, чтобы сделать курсы доступнее, Coursera снабжает свои лекции субтитрами на нескольких языках [5].

Coursera предлагает курсы по самым разным наукам – общественным, гуманитарным, естественным и т.д. Большой популярностью пользуются курсы, посвященные изобразительному искусству, музыке и дизайну:

«Комиксы и графические романы», «Красота, форма и функция: исследование симметрии», «Введение в искусство: концепции и техники», «Прямой эфир!: История искусства для творческих работников, мультипликаторов и разработчиков игр», «Введение в компьютерное искусство: Обработка», «Искусство и его изучение: стратегии обучения музейному делу в вашем классе», «Искусство и деятельность: интерактивные стратегии для занятий искусством», «Пиши как Моцарт: введение в композицию классической музыки», «Юг США: история, музыка и искусство», «Западная музыка 20 столетия», «Обучение игре на скрипке и альте: формирование крепкого базиса», «Дизайн: создание артефактов в обществе» [6].

Каждый курс на сайте Coursera продолжается 1-3 месяца. Материал разбит на несколько модулей длительностью неделя каждый. Обучение предполагает разные технологии: просмотр видео-лекций, изучение учебной литературы по теме, выполнение еженедельных теоретических и практических заданий, рассчитанных на получение определенной суммы баллов, проверку и оценивание творческих работ сокурсников по строго определенным критериям. Успешное выполнение всех заданий и сдача итогового экзамена обеспечивают необходимое количество баллов для получения итогового сертификата о прохождении курса. Авторы данной статьи не понаслышке знакомы с Coursera, поскольку они закончили там в общей сложности 7 разных курсов, по достоинству оценив эффективность этой системы образования.

Coursera растет очень быстро. Научный бэкграунд её создателей позволил создать систему, способную документировать все действия пользователей. В распоряжении исследователей находится бесценный массив данных, позволяющий оценивать эффективность того или иного подхода к образованию. А поскольку ежедневное количество пользователей образовательной платформы измеряется многими сотнями тысяч человек, сбор статистически значимой информации занимает минуты. Daphne Koller и

Andrew Ng, всемирно известные специалисты в области машинного обучения, соединили педагогику и самые последние достижения в области алгоритмов машинного обучения, чтобы создать платформу для интенсификации развития образовательных методов. Соединение таланта первоклассных педагогов и мощи современной компьютерной техники дало старт стремительному внедрению инноваций в сфере педагогики.

Первоначально каждый, кто успешно окончил курс, получал лишь именную сертификат, подписанный преподавателем. При этом не было возможности проверить, кто именно проходил курс. Введение верифицированных сертификатов позволило компании сделать следующий шаг. American Council on Education's College Credit Recommendation Service подтвердил для несколько курсов Coursera, что их успешное завершение на сайте образовательной платформы достаточно для получения кредитов по соответствующим дисциплинам в американских университетах. Как только количество таких курсов станет достаточно большим, можно будет пройти весь университетский курс онлайн и, что немаловажно для многих студентов, не оплачивая соответствующие курсы. Следующим шагом будет создание сертификационного центра выдачи документов о высшем образовании.

Важной особенностью образования на платформе Coursera является его распределенный характер. Вы больше не привязаны к конкретному университету и можете проходить курсы разных вузов одновременно. Университеты становятся поставщиками образовательного контента, лишаясь своего эксклюзивного положения на рынке образования. Только 10% студентов, записавшихся на курсы Coursera, заканчивают обучение, и этот фильтр станет единственным препятствием к получению знаний. Доступ к лучшему образованию – всем, высшее образование – лучшим. Именно таким должно стать образование ближайшего будущего. Обучение в нескольких университетах одновременно требует унификации требований к образовательной программе курсов. В этой связи приведение программы в соответствие с международными образовательными стандартами, такими как

Болонский процесс, становится жизненно важным для успеха каждого университета мира.

Компания Coursera – самая заметная, но далеко не единственная EdTech компания, созданная за последнее несколько лет. Существуют и другие образовательные платформы и образовательные проекты: Udacity [7] (Стэнфордский университет), edX [8] (Гарвардский университет и Массачусетский технологический институт), Guokr [9], и Yeeeyan [10].

Таким образом, современный мир переживает бум образовательных стартапов. Это вызвано целым рядом причин, среди которых:

- Технологическая готовность населения. В мире работает несколько миллиардов мобильных телефонов; миллиарды людей пользуются интернетом.
- Готовность технических решений. Облачные сервисы Amazon способны масштабировать нагрузку на сервер, позволяя разработчикам создавать проекты глобального размаха; распознавание текста и речи давно стало обыденностью, почтовый сервис Gmail фильтрует спам с высокой эффективностью, дорожные камеры распознают номера проезжающих автомобилей, в нескольких штатах США уже разрешено использование беспилотных автомобилей. Сегодня эти технологии начинают использоваться для улучшения системы высшего образования.
- Готовность людей принять эти решения. С возникновения всемирной паутины в 1989 году прошло уже 25 лет, выросло целое поколение, которое не представляет себя вне сети, которое разделяет ее идеологию. Любая деятельность в сети им гораздо привычнее старомодного офлайна.
- Готовность университетов к экспериментам. Лучшие университеты мира осознают все более увеличивающуюся пропасть между требованиями времени и возможностями традиционной модели

обучения. Они приветствуют инновации в сфере образования, которые позволят им сохранить или упрочить свою роль ведущих центров высшего образования.

Всё это требует изменений в системе образования. И эти изменения в передовых странах уже давно начались.

Список литературы

1. Сайт проекта: <https://www.khanacademy.org/>
2. Сайт проекта: <http://www.intuit.ru/>
3. Данные на 5 ноября 2014 года: Coursera Partners // <https://www.coursera.org/partners>
4. Данные на 5 ноября 2014 года: The Coursera Community // <https://www.coursera.org/about/community>
5. Сайт проекта: <http://www.universalsubtitles.org>
6. <https://www.coursera.org/courses>
7. Сайт проекта: <http://www.udacity.com>
8. Сайт проекта: <http://www.edx.org>
9. Сайт проекта: <http://www.guokr.com.cn/>
10. Сайт проекта: <http://www.yeeyan.org>

III. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ



Раздел содержит статьи и материалы, подготовленные к V Международной научно-практической конференции «Русский язык в современном Китае». Забайкальский государственный университет, Хулуьбуирский институт (г. Хайлар, КНР). 15-17 апреля 2017. Чита – Хайлар.

Ли Пин,
магистр, ассистент Института русского языка и культуры
Хулуьбуирского института
г. Хайлар, КНР
E-mail: lpqjf@sina.com

Заемствованные слова в общественно-политической жизни России

Аннотация: В последнее время русский язык интенсивно пополняется заимствованными словами. Особенно много слов вошло в общественно-политическую и экономическую лексику. Это происходит потому, что Россия вступила в новую общественно-политическую формацию, а также в свободные рыночные отношения. Идет процесс разгосударствления, делается попытка проведения реформ в различных сферах жизни. Язык же всегда быстро и гибко реагирует на потребности общества. Можно без преувеличения сказать, что произошел лингвистический взрыв. Однако ничего страшного в этом нет, ведь заимствованные слова – это результат контактов, взаимоотношений народов, и государств.

Ключевые слова: заимствованные слова, русский язык.

Li Ping
master, assistant Professor,
Institute of Russian language and culture Of hulunbuir Institute
Hailar, China
E-mail: lpqjf@sina.com

Borrowed words in the social and political life of Russia

Annotation: Recently, the Russian language is intensively replenished with borrowed words. Especially a lot of words entered the socio-political and economic vocabulary. This is because Russia has entered a new socio-political formation, as well as in free market relations. There is a process of denationalization, an attempt is being made to carry out reforms in various spheres of life. Language, however, always reacts quickly and flexibly to the needs of society. It can be said without exaggeration that a linguistic explosion occurred. However, there is nothing terrible in this, because borrowed words are the result of contacts, mutual relations of peoples, and states.

Keywords: borrowed words, Russian language.

Займствованиа иностранных слов – один из способов развития современного языка. Язык всегда быстро и гибко реагирует на потребности общества. Займствованиа становятся результатом контактов, взаимоотношений народов, государств.

В последнее время средства массовой информации много говорят о выборах. Сложилось впечатление, что мы только и делаем, что выбираем, ну, не мы, а старшее поколение: то в Государственную думу, то в местные органы управления, то в президенты. И вот слово – **электорат** (латинское elector – выбирающий, избиратель) – круг избирателей, голосующих за какую либо партию на парламентских, президентских или муниципальных выборах; совокупность избирателей данного избирательного округа.

Пример: во время выборов происходит борьба за электорат. Электорат республиканцев оказался многочисленнее электората консерваторов. Эквивалент: избиратели. Слово «электорат» надолго войдет в русский язык, так как это очень ёмкое понятие, оно соответствует ситуации в стране, ведь выборы – неотъемлемая часть нашей жизни. Будут выборы, будут кандидаты, будет электорат. Хотелось бы, конечно, чтобы выбирали достойных людей, которые бы в нашей непростой ситуации нашли способ сделать страну процветающей, обеспечили соотечественникам достойную жизнь. В этой связи уместно второе, найденное мною займствованное слово.

Харизма (греческое charisma – милость, божественный дар) – исключительная одаренность; харизматический лидер – человек, наделенный в глазах его последователей авторитетом за исключительные качества его личности – мудрость, героизм, святость.

Пример: харизма А.С. Пушкина сделала его национальным поэтом России. Большинство известных всему миру предводителей обладали харизмой власти. В этом слове некоторое несоответствие звукового облика высокому содержанию, а поэтому вряд ли оно будет широко использоваться в речи, разве только ограниченным кругом лиц. Во время избирательной кампании не обойтись без провайдеров.

Провайдер (английское provide – обеспечивать) – организация, предоставляющая услуги по пользованию глобальными сетями и системами.

Пример: для подключения сети Интернет вам необходимо обратиться к провайдеру. А провайдерам, конечно же, потребуется ноу-хау (английское know how, буквально, знаю как) – технические знания, опыт, документация, передача которых оговаривается при заключении лицензионных договоров и других соглашений.

Мы привыкли, что, включив утром радио или телевизор, слышим такую фразу: «Главы государств собрались на саммит». Существует русский эквивалент этого слова – переговоры.

Саммит – (английское summit – вершина, верх) – встреча глав государства, правительства.

Пример: саммит двух стран о заключении перемирия.

Стремительно вошло в русский язык, вытеснив русский эквивалент, английское слово имидж.

Имидж (английское image – образ)

1) образ делового человека, представление о нем, складывающиеся у окружающих, репутация.

2) образ фирмы, товара, услуг, обеспечивающих положение фирмы на рынке, верность покупателя фирменной марке.

Пример: созданием имиджа известных людей занимаются профессионалы.

Нет, пожалуй, более популярного иноязычного слова на современном этапе, чем слово коррупция, хотя его русский эквивалент звучит, возможно, не реже: взятка, подкуп.

Коррупция (латинское corruptio – преступление, заключающее в прямом использовании должностным лицом прав, связанных с его должностью, в целях личного обогащения. К коррупции относится подкуп чиновников и общественно – политических деятелей, дача взяток.

Пример: пока мы не истребим коррупцию, мы не сможем построить нормального демократического общества. Высоким начальникам и людям, имеющим большие деньги не обойтись без секьюрити.

Секьюрити (английское securit – безопасный).

1) Служба безопасности (обычно применительно к зарубежным странам).

2) Служащий органов безопасности, а также вообще охранник, телохранитель. Русский эквивалент: охрана, телохранитель.

Пример: за стеклянной дверью банка можно было разглядеть секьюрити.

Молодой секьюрити улыбнулся девушке – это стало началом их дружбы.

А это английское слово мы слышим еженедельно по выходным дням во обзоре новостей, где сообщается о популярности того или иного политического деятеля. Слово это – рейтинг.

Рейтинг (английское rating – мощьность) – индивидуальный, числовой показатель оценки популярности, авторитета какого либо лица, организации, группы, их деятельности, программ, планов. Вообще степень популярности известного деятеля, его оценка, разряд.

Пример: высок рейтинг этого политика, трудно придется его соперникам.

А это слово употребляется больше в ретроспективном плане. А вот всю вторую половину 1999 года не было дня, чтобы наши люди не слышали призывов объявить импичмент (я говорю именно об этом слове) президенту страны (теперь уже бывшему).

Импичмент (английское impeachment – особый порядок привлечения к ответственности и судебного рассмотрения дел о преступлениях высших должностных лиц).

Пример: президенту США грозит импичмент по обвинению, представленному Моникой Левински. Близко к предыдущему слову – «вотум».

Вотум (латинское *votum* – желание, воля) – мнение, выраженное голосованием: вотум доверия или вотум недоверия. Одобрение или неодобрение парламентом деятельности правительства или министра. Русский эквивалент: общественное мнение.

Пример: Госдума выразила вотум недоверия президенту.

При вынесении вотума недоверия правительство, как правило, выходят в отставку. Удобным в употреблении оказалось английское слово *тинейджер*, оно оказалось более емким по сравнению с русским эквивалентом.

Тинэйджер (английское *teen – agertee* – составная часть, служащая для образования числительных от 13 до 19 + *age* – возраст) – подросток, юноша или девушка в возрасте от 13 до 20 лет.

Пример: большинству современных тинэйджеров нравится Леонардо ди Каприо.

Одной из характерных черт русского языка 80-90-х годов является процесс активизации заимствованной лексики: расширение сферы использования специальной иноязычной терминологии, относящейся к экономике, финансам, коммерческой деятельности и некоторым другим областям, и появление большого числа заимствований-неологизмов, тоже принадлежащих преимущественно к специальным областям.

Место ударения в заимствованных словах не всегда зависит от языка-источника. Заимствованные слова объединяются в русском языке в группы по сходству их конечных элементов, при этом этимология слов обычно имеет второстепенное значение. Колебание ударения в заимствованных словах неизбежно, оно свидетельствует о том, что заимствованные слова вступают во взаимодействие с русской лексикой и постепенно ассимилируются ею, становясь из внесистемного явления явлением системным.

Новые заимствования, относящиеся к XX веку, как правило, следуют ударению языка-источника, потому что в большинстве случаев время для возникновения в них колебаний ещё не настало. Этому должен предшествовать определенный период, в течение которого слова должны «прижиться» в языке, стать известными большинству представителей языкового коллектива и "найти" себе аналогию среди слов, входящих в систему лексики данного языка.

Особенностью лексики, заимствованной в наблюдаемый период, является ее массовость, новизна, однородность по отношению к языку-источнику: подавляющее большинство слов заимствуется из английского языка. Сфера распространения заимствованных слов достаточно специфична. Прежде всего это «профессиональные языки» специалистов той или иной области (вычислительная техника, финансовая и коммерческая деятельность, спорт), но также и области политики, искусства, моды, музыки, танцев и др. Таким образом, основной принцип акцентуации новых заимствований: следование ударению языка-источника, в данном случае – английского языка. Преобладающее большинство слов не обнаруживает колебаний в ударении.

В соответствии с критерием классификации заимствованных слов, т. е. по сходству конечных элементов (финалей), языковой материал распределяется по соответствующим группам. Существительные на -ер, -ор. Группа наиболее многочисленная. По своей структуре существительные двусложны или трехсложны, характеризуются в большинстве случаев ударением на первом слоге, что соответствует ударению их в английском: ббртер, бльйзер, брукер, вбучер, гбмбургер, дьлер, мйнеджер, спунсор, трьллер. Ударение на втором слоге имеют инвьстор, компь[рiс]тер, что тоже соответствует английскому произношению.

Существительные на -инг двусложные с ударением на первом слоге: брьфинг, лзьинг, рййтинг, сйрфинг (или сёрфинг), хулдинг; в словах, имеющих более двух слогов, ударение падает на слог перед финалью инжиньринг. Исключением является ударение мбркетинг, соответствующее

английскому ['ma:kiti()], которое, однако, колеблется, обнаруживая тенденцию к перемещению на следующий слог.

Существительные на -мент, трехсложные или четырехсложные, с ударением на первом или втором слоге в соответствии с ударением английского языка: импѣчмент, истѣблишмент, мѣнеджмент.

Существительные с единично представленными финалями, не объединяемые в группы, -айл (фрѣстбѣйл), -ей (дисплѣй), -ет (мѣркет), -ест (дѣйджест), -ит (сѣммит), -ус (консѣнсус) . Ударение совпадает с английским.

Существительные с финалью на гласный с ударением на первом слоге, соответствующим английскому: лубби, шуу, нуу-хбу. Существительные односложные: байт, гранд, клип, файл, факс.

В данный период заимствования почти не испытывают колебаний в ударении, что свидетельствовало бы об их подчинении закономерностям, сложившимся в русском языке. Колебание ударения в слове маркетинг не выходит за рамки тех закономерностей, которые свойственны словам на -инг в самом английском. Ударение маркетинг принимается некоторыми нормативными справочниками. Например, в книге «Культура парламентской речи» это ударение отмечено как «разговорное». Слово саммит зарегистрировано словарями с ударением на первом слоге – сѣммит, что соответствует английскому ['smit]. Смещение ударения здесь могло бы быть обусловлено влиянием финали -ит, несущей на себе ударение и представленной в широком круге слов. Ударение односложных (в том числе заимствованных) имен существительных на протяжении длительного периода определялось действием ряда факторов: морфологического, семантического, морфонологического. Значительную роль при этом играл и фактор прагматический – степень освоенности слова. По отношению к данному периоду отмечается тенденция к тривиальному ударению (т. е. неподвижному ударению на основе слова при его склонении) у большинства односложных слов. Значительная часть таких слов – термины, книжная лексика: байт, грант, файл и др. Очень невелико число слов, которые обнаруживали бы в

современных условиях тенденцию к закреплению нетривиального ударения, т.е. ударения на флексии во всех склоняемых формах или только формах множественного числа. Примером закрепления ударения на флексии во всех формах является слово хит «модное, популярное музыкальное произведение». Произносят: хитб, хитум, хит и т.д.: Хитум сезона была песня...; В течение долгого времени была хитум и мн. др. В молодежной жаргонизированной речи круг подобных слов значительно шире: джин. (джинсы), битл (участники ансамбля «Битлз») и др. О некоторых заимствованных словах, связанных с общественной и политической жизнью страны. Гораздо больше их в экономической сфере, ведь страна вступила в рыночные отношения, резко изменив прежний курс жесткого государственного контроля. Пожалуй, самым популярным, хотя и неприятным, стало слово инфляция.

Инфляция (латинское *inflatio*) – чрезмерное увеличение количество обращающихся в стране бумажных денег, сверх потребностей хозяйственного оборота и, в связи с этим, быстрое их обесценивание, что чрезвычайно тяжело отражается на материальном положении трудящихся. Русский эквивалент: обесценивание денег.

Пример: в связи с инфляцией ухудшается материальное положение многих граждан. В последнее время предпринимательство, несмотря на трудности, набирает обороты. Между тем нам не обойтись без иностранных вложений капитала, то есть инвестиций.

Инвестиция (немецкое *investition*) от латинского *investire* – долгосрочное вложение капитала в отрасли экономики внутри страны и за границей. Различают финансовые (покупки ценных бумаг) и реальные инвестиции (вложение капитала в промышленность, сельское хозяйство, строительство).

Пример: наш партнер предложил инвестицию на выгодных для обеих сторон условиях. Поскольку мы находимся в глубоком кризисе, нам не избежать моратория, скажем, на выплату наших многочисленных долгов.

Мораторий (латинское *maratorius* – задерживающий, замедляющий) – отсрочка исполнения обязательств, установленная правительством на определенный срок ввиду наступления чрезвычайного положения, стихийного бедствия, войны, эпидемий, финансового кризиса. Русский эквивалент: отсрочка.

Пример: объявленный мораторий на выплату некоторых долгов устраивал наших представителей. Прочно вошли в наш язык, несмотря на некоторые затруднения в произношении, слова менеджмент, менеджер, маркетинг.

Менеджмент (английское *management* – управление, заведование, организация) – управление производством, совокупность принципов, методов, средств и форм правления производством, разработанных и применяемых с целью повышения эффективности производства и увеличения прибыли. Русский эквивалент: управление производством.

Пример: менеджмент – это основная часть его работы.

Менеджер (английское *manager* – управляющий) – специалист по управлению производством и обращением товаров, наемный управляющий он организует работу на фирме, руководит производственной деятельностью сотрудников. Он входит в средний и высший руководящий состав. Русский эквивалент: управляющий.

Пример: Наталья Вячеславовна работает менеджером в банке.

Маркетинг (английское *marketing* – рынок, сбыт) – система мероприятий по изучению рынка и активному воздействию на потребительский спрос с целью расширения сбыта производимых товаров.

Пример: Он решил заниматься маркетингом. Среди заимствованных слов есть такие, что почти вошли в активное употребление, стали понятны всем. Таким, словом я завершаю свой обзор заимствованных в экономическую сферу слов. Это слово дефолт.

Дефолт (английское *default* – вина) – банкротство, не исполнение договора. *Пример:* иностранцы говорили о дефолте России.

Роль заимствований в различных языках и разных времени неодинакова и зависит от конкретно-исторических условий развития каждого языка, в 90 годах двадцатого века с изменением политики, новые слова больше чем раньше появились в русском языке, и они играют важную роль в жизни общественно-политической жизни страны. Итак, Россия стала более открытой. Заимствованные слова существуют почти в каждом языке, и с развитием экономики, политики, культуры всего мира, у них будет большое влияние.

Список литературы

1. Аристовой В.М. Англо-русские языковые контакты. Ленинград , 1978.
2. Линник Т.Г. Языковые ситуации и взаимодействия языков. Киев, 1989.
3. Ильина О.В. Семантическое освоение русским языком иноязычных лексических инноваций, Языковые единицы и семантическом и лексикографическом аспектах. Новосибирск , 1998.
4. Шапошников В.Н. Иностранные слова в современной российской жизни, 1997.
5. 黄苏华.外来词在俄语中的借用及不同民族文化的交融.西安外国语学 , 1996.

УДК 81

И.М. Логинов,
преподаватель русского языка как иностранного
Хэйлунцзянского университета,
г. Харбин, КНР
E-mail: post-office518@mail.ru

Китаизмы и китайская интерференция в русскоязычной речи

Аннотация: В статье на основе устной речи билингвов, проживающих в Харбине, рассматривается взаимодействие русского и китайского языков, реализуемое в таких процессах, как смешение и переключение кодов. Распределение респондентов по трем группам на основании цели пребывания в Китае и анализ условий использования ими двух языков позволяют выявить зависимость особенностей билингвального речевого поведения от характера каждодневного общения на обоих языках.

Ключевые слова: русско-китайский билингвизм, устная речь, смешение, переключение кодов, эмиграция.

\

I. M. Loginov,
teacher of Russian as a foreign language
Heilongjiang University,
Harbin, China
E-mail: post-office518@mail.ru

The sinicism and chinese interference in Russian-language speech

Abstract: Based on the speech of bilinguals, the article is concerned with the interaction of the Russian and Chinese languages realized in such processes as code-mixing and code-switching. The respondents were subdivided into three groups in accordance with the purpose of their stay in Harbin. The analysis of their bilingual speech reveals its being conditioned by the character of their everyday communication in both languages.

Key words: Russian-Chinese bilingualism, speech, code-mixing, code-switching, emigration.

Изучение российского зарубежья – одна из актуальных задач современной науки, которой занимаются ученые разных направлений. Областью интересов лингвистов в рамках «эмигрантоведения» являются способы существования системы русского языка в особых условиях – вне метрополии в разноязычном социуме, что «составляет органическую часть тех исследований по вопросам языковых контактов, билингвизма, "этнолингвистической жизнеспособности" и других сходных проблем, которые проводятся сейчас во всем мире» [1, с. 104]. Выделяют две ветви русской эмиграции – западную и восточную. Последняя (русская эмиграция в Азии) изучена большей частью на примере Китая. Основная часть исследований посвящена проблемам русской белой послереволюционной эмиграции, при этом большой интерес вызывает русская диаспора в Харбине, крупнейшем центре русской эмиграции того времени. Ученые, анализируя с разных точек зрения всю совокупность жизнедеятельности русских за рубежом, отмечают уникальность русской эмиграции в этом городе. В Харбине был свой обособленный уклад жизни – с русской администрацией, прессой на русском языке, насыщенной

культурной и научной жизнью, русскими образовательными учреждениями, влиятельной православной церковью, активной деловой и общественной жизнью. В отличие от соотечественников, эмигрировавших в Европу, российская диаспора на северо-востоке Китая ощущала себя скорее дома, чем за границей. «В этом городе русские действительно являются русскими, тогда как в Америке они больше американцы, чем русские, в Германии – немцы, во Франции – французы» [3, с. 99, 100]. Такие внешние условия, характер языковой ситуации (наличие среды родного языка, подобной естественной, и отсутствие насущной необходимости в изучении китайского языка) привели к высокой степени сохранности русского языка в восточном зарубежье того времени. Поэтому имеющиеся лингвистические исследования по этой тематике связаны в основном с изучением характера изменения русской речи под влиянием китайского языка [см. 2, 3].

Иная языковая ситуация и образ жизни современных русских, проживающих в Китае, даёт новый лингвистический материал. К тому же, как отмечает Х. Пфандль, «речь новых эмигрантов более восприимчива для чужеродного влияния» [5, с. 103]. Сейчас можно наблюдать непосредственное взаимодействие этих языков в живом, непринужденном общении, которое реализуется в таких процессах, как переключение и смешение кодов. Под переключением кодов мы понимаем употребление в речи на одном языке (для рассматриваемого в данной статье корпуса примеров – русском) синтаксически связанных выражений на другом языке (китайском) или переход на этот язык. В данной работе не будут рассматриваться те случаи перехода с русского языка на китайский, которые были вызваны сменой адресата (обращением к китайцам), фразовым цитированием и самоцитированием. Нас будут интересовать лишь те факты «смешения» русского и китайского, которые происходили в речи с одним и тем же – русскоязычным собеседником при условии владения им китайским языком. Как случаи смешения кодов мы рассматриваем употребление в речи на одном языке (русском) слов другого языка (китайского).

В последние годы городом, где проживает значительное количество русских из числа приехавших в Китай, стал Харбин. Вдали от родины большое значение начинает играть то, чему в обычной жизни в России люди не придают особого значения, – общение с соотечественниками на родном языке. Для этого организуются различные клубы, мероприятия, встречи и т.п. Так, сотрудники Русского клуба Харбина ведут распространение литературы, приглашают российских артистов, организуют художественные выставки российских мастеров, создали сайты в интернете. Русским клубом также регулярно организуются встречи, проводятся совместные выезды на природу, кинопросмотры, отмечаются русские праздники – Пасха, День России, День Победы и др. Активное участие в подобной деятельности создает благоприятные условия для сохранения родного языка. В то же время новое окружение – китайский язык, китайская действительность, необходимость повседневного общения – способствует овладению языком страны проживания. И чем совершеннее это владение, тем успешнее и полноценнее деятельность эмигрантов в новой стране. Эти две составляющие их жизни и влияют в первую очередь на языковое поведение наших соотечественников в Харбине. В данной работе анализируется лингвистический материал, собранный во время устных бесед с русскими, проживающими в Харбине. Выделяют три основных типа эмигрантского языкового поведения: поведение ассимилянта, поведение антиассимилянта и сознательный тип. Ассимилянта характеризует стремление к слиянию с культурой и языком принимающей страны, при этом собственный язык «уходит на второй план» [4, с. 71]. Антиассимилянт стремится свести свое общение к родному языку. Второй язык, как и культура принимающей страны, интересуют его лишь в той мере, в которой это необходимо по практическим соображениям. При сознательном подходе человек стремится уравновесить в своей жизни оба языка и обе культуры. Согласно этой классификации, наших респондентов можно разделить на два типа: антиассимилянты и сознательный тип. Для данного исследования важно выделение трех основных причин эмиграции –

временной или постоянной – русских в Китай: 1) работа; 2) учеба (на языковых курсах или в магистратуре); 3) межнациональные браки. Среди наших респондентов к антиассимилянтам принадлежат те, для кого основной причиной эмиграции стала работа. Поведение приехавших в Китай на учебу и состоящих в браке с китайскими гражданами ближе к сознательному типу.

По разным данным, в городе проживает постоянно или временно около 2.500-3.000 граждан России и стран бывшего СССР. На сегодняшний день это одна из самых большая и динамично развивающаяся русскоговорящих общин Китая. Большинство из русскоговорящих харбинцев – это, конечно же, студенты. На них приходится 80-85% всего русскоговорящего населения. Преподавательский состав многочисленных вузов Харбина тоже имеет в себе большую долю наших соотечественников. Они учат китайских студентов русскому языку и литературе, на них приходится 7-10% русскоговорящих харбинцев. Оставшиеся 7-10% русских харбинцев – это люди чаще всего из нашего приграничья, приехавшие в Харбин на заработки. Работают официантами или поварами в сфере «общепита» – так называемых «русских ресторанов» в Харбине. Выпускников местных вузов китайские и российские компании приглашают работать переводчиками, торговыми агентами, менеджерами, специалистами по логистике. Весьма большим спросом на харбинском рынке труда пользуются наши артисты. Во многих ресторанах или ночных клубах хозяин организует вечернюю программу с участием русских артистов [6].

Целью настоящей работы является составление речевых портретов различных русскоговорящих представителей, проживающих в Харбине длительное время. Общими чертами их языкового поведения являются следующие:

- 1) преобладание общения на русском языке;
- 2) легкость переключения с русского на китайский и обратно, когда этого требует ситуация, что связано с хорошим владением китайским языком и длительным временем проживания в Китае;

3) отсутствие спонтанных переходов на китайский.

Этим объясняется отсутствие среди наших респондентов «ассимилянтов», а их анализ может помочь прояснить характер сосуществования языков у билингвов.

1. Алексеев Д.К. – 24 года, национальность – русский, родной язык русский, студент Харбинского политехнического университета, закончил университет в степени магистра, время пребывания в Харбине около двух лет. За время пребывания в Харбине Дмитрий очень мало контактировал с местным населением, в основном лишь при покупке товаров потребления и использованием услугами, во время учебы постоянно контактировал как с местным преподавательским составом, так и с китайскими студентами. Общение с русскоговорящими представителями было незначительным, общение постоянно происходило на английском языке. Целью Дмитрия не являлось какое либо приобщение к местной культуре и языку, кроме того он нечасто общался с другими русскоговорящими представителями в связи с этим, по моим наблюдениям за два года русская речь Дмитрия претерпела изменения, она стала более скудной и однообразной. Еще незначительной особенностью является добавление в лексикон нескольких слов на китайском языке (не более 15-20 слов), имеющих сильный акцент в связи с отсутствием широкой практики общения на китайском языке.

2. Султанов Е.С. – 26 лет, национальность – татарин, родной язык русский (основной), студент Харбинского политехнического университета, в настоящий момент учится на доктора наук, время пребывания в Харбине более двух лет. В течение проживания и обучения в университете Евгений часто, но неактивно контактирует с местным населением, как с преподавателями, так и со студентами. Также владеет базовым уровнем китайского языка. Общение с русскоязычными представителями довольно активно. В связи с тем, что китайская культура и язык не являются приоритетными задачами, а изучение специальности проходит почти полностью на английском языке, речь Евгения претерпела следующие

изменения: в связи с частым общением с представителями Казахстана и Грузии, которые также применяют русский язык как язык международного общения с русскоговорящими представителями, однако ее уровень несколько ниже, чем у украинцев и белорусов, для которых русский язык является вторым родным, речь Евгения со временем стала медленнее, но более четкой. Фразы стали более точными и короткими, исчезли слова-паразиты, что связано скорее с тем, что у большинства местных русскоговорящих их нет. Кроме того, речь стала немного богаче в связи с общением с представителями интеллигенции.

3. Китун Е.В. – 30 лет, национальность – белоруска, родной язык русский (есть заметный акцент, связанный с местом рождения и национальностью а, так же с проживанием в сельской местности), студентка Харбинского политехнического университета, в настоящее время изучает китайский язык в интернациональном центре изучения китайского языка для иностранцев. Время пребывания в Харбине три месяца, в связи с непродолжительным нахождением на территории Китая и с постоянным контактом исключительно с русскоговорящим населением, речь Елены не претерпела каких-либо заметных изменений. Единственным изменением является пополнение словарного запаса базовыми китайскими словами и выражениями, кроме того замена некоторых русских слов местными регионализмами: *чифанька, ашика, шушу* и.т.п.

4. Семеней А.Б. – 32 года, национальность – украинец, родной язык украинский, в Китае пользуется русским языком, украинский акцент в русском языке слабый, имеет некоторые особенности в произношении, отличного от произношения жителей России. Является студентом Харбинского политехнического университета, учится на доктора наук, обучение проходит на английском языке, в Харбине пребывает более двух лет. Уровень китайского языка базовый. Реципиент часто общается с русскоговорящими представителями, также часто контактирует с китайцами, а именно с преподавателями и студентами, однако почти не уделяет внимание

местной культуре и языку. За более чем два года русская речь Александра практически не претерпела каких-либо заметных изменений, за исключением пополнения словарного запаса простыми китайскими словами и фразами.

5. Демин Е.А. – 28 лет, национальность – русский, родной язык русский, студент Харбинского политехнического университета, учится на доктора наук, время пребывания в Харбине – три года. В течение всего срока пребывания в Китае проявляет активное участие в различных мероприятиях, конференциях, связанных с научными достижениями, активно контактирует с китайскими преподавателями и студентами, имеет значительный интерес к китайской культуре и языку. В связи с тем, что проживает не на территории студенческого городка, довольно редко общается с русскоговорящими представителями, уровень китайского языка выше среднего. По моим наблюдениям, можно сделать следующий вывод: русская речь Евгения претерпела изменения, а именно стала значительно медленнее, на фоне того что изначально была очень быстрой, кроме того, она стала более точной и простой, упрощение заключается именно в отсутствии при разговоре каких-либо сложных словосочетаний. В целом же какого-либо акцента или неграмотного произношения фраз замечено не было.

6. Галанинская Е.К. – 48 лет, национальность – русская, родной язык русский. Является преподавателем русского языка в Хэйлунцзянском университете, ученая степень – кандидат наук. Период пребывания в Китае – восемь лет. В течение всего срока пребывания в городе Ухань, а затем в Харбине, проявляет слабый интерес к контакту с местным населением, кроме этого практически не интересуется местной культурой и языком. При этом реципиент постоянно ведет занятия по русскому языку, проводит их полностью на русском языке, почти не применяя китайского языка. Контакт с русскоговорящими представителями постоянный. По моим наблюдениям, несмотря на очень длительное пребывание Галанинской Е.К. в Китае, ее русская речь не только не обеднела, но и обогатилась, поскольку она является преподавателем русского языка. Русская речь за долгие годы пребывания в

другой стране так и осталась быстрой, грамотной, с незначительными отступлениями от литературной нормы, благодаря активному общению с другими русскоговорящими преподавателями, пополнилась некоторым количеством новых слов.

1. Лексические регионализмы, возникшие в русской речи в последние годы в Харбине в результате заимствования из китайского языка, и собственно русские от них образования:

1. *аишка* – от китайского *ai* «тетя», обращение напрямую *ai*, в разговоре между собой, в основном среди студентов, применяется слово *аишка*;

2. *фуюанька, фуйка* (пренебр.) – обращение к обслуживающему персоналу – горничным, официантам и т.п. – *фуюань*, в разговоре между собой среди всех групп представителей русскоязычного населения применяется слово *фуюанька, фуйка*;

3. *каоши, каоти* – от китайского *kaoshi, kaoji* «контрольная работа или экзамен» – почти полностью вытеснили русские слова у большинства русскоговорящих студентов в крупных университетах Харбина (Харбинского политехнического университета, Хейлунцзянского университета, и т.п.);

4. *бины* – от китайского *bing*, по-русски *блин*, употребляется в основном среди студентов в заведениях быстрого питания;

5. *чаоши* – от китайского *chaoshi* «супермаркет», применяется в основном среди русскоговорящих студентов;

6. *шушик, шушу* – от китайского *shushu* «дядя», обращение к мужчинам среднего возраста, между собой, в основном среди русскоговорящих студентов, – *шушик, шушу*;

7. *шифик, шифу* – от китайского *shifu* «водитель, шофер такси или общественного транспорта», *шифик* применяется в основном среди русскоговорящих студентов;

8. *чифанька, чифанить* – от китайского *canting, fandian* – недорогие заведения китайской, корейской кухни. Второй регионализм означает есть,

употреблять пищу, от китайского *chifan*, оба регионализма употребляются в основном среди русскоговорящих студентов;

9. *мифан* – от китайского *mifan* «рис», часто употребляемое слово, заменившее русское слово, привычное в России;

10. *симэр* – от китайского *ximeneg*, «западные ворота ХПУ». Название очень популярного места среди всех студентов университета, где продают большое количество недорогой, вкусной и некачественной еды, места, которое знает каждый таксист в городе. Регионализм употребляется среди русскоязычных студентов.

II. Лексические регионализмы, возникшие в результате развития переносного значения у русского слова:

1. *Башни* – название двух крупнейших торговых центров различной электроники в городе Харбин, в основном применяется среди студентов ХПУ;

2. *Снежинка* – район города, где находится главный музей провинции Хэйлуунцзян, памятник русским воинам освободителям, а также большое количество подземных рынков и торговых центров;

3. *Русский* – от китайского *eluosijiuba*, означает название русского развлекательного клуба в Харбине. Пример во фразах: *сегодня в Русском...*, *поехали в Русский*, и.т.п.;

4. *Арбат* – главная пешеходная улица в Харбине.

III. Лексические регионализмы, возникшие в результате словообразования:

1. *киты* – китайцы;

2. *Хабар* (ударение на первый слог) – название Хабаровска;

3. *Манька* (ударение на первый слог) – название Маньчжурии среди приезжих в Харбин жителей Забайкалья.

Проведённое исследование русской речи русскоговорящих студентов и преподавателей, проживающих в современном Харбине длительное время, позволяет сделать следующие выводы: в целом их русская речь претерпела

незначительные трансформации, в основном эти изменения касаются скорости речи, использования некоторых регионализмов и утратой незначительного запаса русских слов. В целом грамматика речи не претерпела изменений, синтаксическая организация устной речи соответствует традициям русского разговорного дискурса. Фонетические черты речи в основном отражают современную русскую произносительную норму. Изменения русской речи индивидуальны, зависят его контакта реципиента с местным населением, его личной заинтересованностью в освоении китайской культуры и языка и уменьшении общения на русском языке. Употребляемые в речи русских харбинцев регионализмы представляют интерес для лексикологов, поскольку дают возможность исследовать механизмы их возникновения. Создание свода таких слов и выражений может стать предметом лексикографического описания, имеющего не только собственно лингвистическое, но и историко-культурное значение.

Список литературы

1. Голубева-Монаткина Н.И. Грамматические особенности русской речи потомков эмигрантов «первой волны» во Франции // Филологические науки. 1994. № 4. С. 104-111.
2. Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине): автореф. дис. ... доктора филол. наук. Томск, 2009. 55 с.
3. Оглезнева Е.А. Русский язык восточного зарубежья в первой половине XX в.: к вопросу о своеобразии // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 6. С. 135-150.
4. Пфандль Х. Русский язык в современной эмиграции // Русская речь. 1994. № 3. С. 70-74.
5. Пфандль Х. Русскоязычный эмигрант третьей и четвертой волны: несколько размышлений // Русский язык за рубежом. 1994. № 5/6. С. 101-108.
6. Русские в Китае. Какая она, русская диаспора Харбина // URL: <http://shkolazhizni.ru>.

Цзян Ин
старший преподаватель кафедры русского языка
Хэйхэского университета,
г. Хэйхэ, КНР
E-mail: jy83626@163.com

Лингвокультурная интерференция в китайских рекламных вывесках на русском языке в приграничном городе КНР

本文系2014年黑龙江省社会科学研究规划年度项目《边境城市牌匾公示语俄译规范研究》阶段性成果 项目编号: 14E091。(Работа выполнена при финансовой поддержке гранта научного социального фонда провинции Хэйлунцзян (КНР) в 2014 году №14E091. Название проекта «Исследование вывесок на русском языке в Китае на приграничных с Россией территориях»).

Аннотация: Статья посвящена одному из проявлений современного русско-китайского языкового взаимодействия – текстам китайских рекламных вывесок на русском языке, созданным носителями китайского языка и распространенными на территории приграничного с Россией северо-восточного Китая, а именно в г. Хэйхэ. Вывески распространены в зоне безвизовой торговли и служат для привлечения русских туристов и сбыта им китайских товаров и услуг. Цель данной статьи – проанализировать явление лингвокультурной интерференции в текстах китайских рекламных вывесках на русском языке.

Ключевые слова: Межкультурная коммуникация, русский язык, китайский язык, китайские рекламные вывески на русском языке, лингвокультурная интерференция, культурное различие, языковая интерференция.

Jiang Ying,
senior lecturer in Russian language,
The University of Heihe
Heihe, China
E-mail: jy83626@163.com

Linguistic and cultural interference in Chinese advertising signboards in the Russian language in the border town of China

Annotation: The article is devoted to one of the manifestations of contemporary Russian-Chinese linguistic interaction – the Chinese texts of advertising signs in the Russian language, developed by native Chinese speakers and rasprostranennymi territory border with Russia, northeastern China, namely in

the city of Heihe. Signs common in the area of visa-free trade and are used to attract Russian tourists and sale to them of Chinese goods and services. The purpose of this article is to analyze the phenomenon of the linguistic and cultural interferences in the texts of Chinese advertising signboards in the Russian language.

Key words: Intercultural communication, russian language, chinese language advertising signs in the Russian language, linguistic and cultural interference, cultural differences, linguistic interference.

Лингвокультурную интерференцию определяют «как конфликтное явление, возникающее в межкультурной коммуникации на основе замещения отсутствующих или неполных концептов иноязычной культуры (при их незнании, непонимании, некорректном восприятии или интерпретации) концептами собственной культуры, выраженное в речевой деятельности» [5].

В нашем случае проявление лингвокультурной интерференции наблюдается в случае замещения концептов русской культуры концептами культуры китайского языка.

Культура – сложное многоуровневое явление. В культурной коммуникации существуют культурные барьеры. «В отличие от языкового, они невидимы и не ощущаемы» [6, с. 49].

Объектом исследования в данной статье являются тексты китайских рекламных вывесок на русском языке, созданные носителями китайского языка. Эти вывески распространены на территории приграничного с Россией Китая, а именно в г. Хэйхэ на северо-востоке Китая, в зоне безвизовой торговли, и служат для привлечения русских туристов и сбыта им китайских товаров и услуг.

Тексты этих вывесок демонстрируют явления фонетической, грамматической, лексической и лингвокультурной интерференции в русском языке под влиянием китайской языковой системы. Цель данной статьи – интерпретация явлений лингвокультурной интерференции в текстах китайских рекламных вывесках на русском языке.

В китайских рекламных вывесках на русском языке нами отмечены многочисленные названия блюд национальной китайской кухни («Жаркое голубь», «Китайский самовар», «Рыба в каменной кастрюле», «Жаркое в чугунной кастрюле "Цисян"», «Ланша Мастер Ма») и названия с символическими иероглифами, обозначающими «*顺*удачу», «*鑫*богатство и процветание», «*福*счастье», «*泰*благополучие» и т.д. (см. например, «永顺家具Мебельный салон "Юн-Шунь"»: "永顺Юн-Шунь" употребляется в значении «вечная удача»; «亿鑫电脑服务中心Центр обслуживания компьютерной техники "И Синь"»: "亿И" – «сто миллионов», "鑫Синь" – «богатый и процветающий»; «福人居饺子馆Ресторан пельмени "Фу ЖэньЦзюй"»: "福人居Фу ЖэньЦзюй" обозначает место, где живут счастливые люди; «康泰药店Аптека "Кан Тай"»: "康泰Кан Тай" – «здоровье и благополучие» и др.).

Общеизвестно, что язык не только важнейшее средство общения и выражения мысли, но и выполняет аккумулятивную функцию знаний о культуре. Он «тесно связан с культурой, «прорастает» в нее, выражает её, является обязательной предпосылкой развития культуры в целом, и, наконец, составляет важную часть культуры народа, живущего в определенное время и в определенном месте» [1, с. 12]. Таким образом, язык является носителем культуры и инструментом межкультурной коммуникации.

В языке отражаются разные исторические периоды в жизни народа, время, пространство, культурный опыт. Китайские рекламные вывески на русском языке в определенной степени отражают культуру китайского народа и подвергаются влиянию таких факторов, как способ мышления этого народа, его психология, традиции, обычаи и т.п. Поэтому культурные особенности обуславливают их ярко выраженный национальный характер. Так, «рекламные вывески пронизаны традиционными представлениями китайцев об инь и янь, о пяти стихиях, о фэншуйе и другими традиционными

культурными ценностями, через которые «создатель» вывески передает свои самые лучшие надежды и пожелания» [2, с. 56].

Исследователи отмечают, что «Россия находится на стыке Азии и Европы, но ее культурные истоки относятся к Западу, вид мышления русских схож с европейским мышлением. Язык китайских рекламных вывесок на русском языке в приграничном г. Хэйхэ упрощенный, акцент в них делается на предоставлении клиенту необходимой информации для ориентации в коммуникативном пространстве иноязычного города. Поэтому вывески почти не отражают национальную культуру России. Однако переводчик обычно дословно переводит название вывески, игнорируя особенности русского языка и привнося в текст вывески элементы национальной китайской культуры» [Там же].

Прокомментируем некоторые примеры, в которых, по нашему мнению, проявляется лингвокультурная интерференция. Рассмотрим, например, «культурное» содержание китайской рекламной вывески на русском языке «*Массаж слепых "Гун Вэй"*».

В Китае существует понятие «слепого массажа», который является одной из профессий слепых людей, проходящих специальные курсы массажа и аттестацию на наличие профессиональных навыков. Осязание у слепых более развито: касаясь тела больного, они могут более точно обнаружить болевой симптом, поэтому массаж слепых, или «слепой массаж» пользуется большой популярностью в Китае.

В России нет такого способа массажа. Кроме того, в русской языковой культуре не принято использовать в названиях, в том числе в вывесках, слова, обозначающие физические недостатки людей (слепой, глухой, немой и т.д.). В китайской культуре и языке, наоборот, принято их использовать в наименованиях и нормально воспринимать подобные слова.

Таким образом, у разных народов разные культурные ценности, разные представления о них. И то, что у китайцев считается нормой, у русских является отклонением от нормы. Поэтому китайская рекламная вывеска на

русском языке «Массаж слепых "Гун Вэй"» воспринимается русскими людьми как неправильное написание, потому что они вкладывают в текст вывески иной смысл. С точки зрения носителя китайского языка в содержании вывески нет ничего необычного.

В текстах вывесок «*Рыба в каменной кастрюле*», «*Пекинская утка*», «*Китайский самовар*», «*Жаркое в чугунной кастрюле "Цисян"*», «*Лапша Мастер Ма*», «*Суп Малатан*», «*Утиный деликатес по-сычуаньски*», «*Юньнаньская рисовая лапша*» и многих других используются названия блюд национальной китайской кухни, являющихся символами китайской культуры, широко распространенными «в приграничных китайских городах (особенно в северо-восточной части Китая)» [4, с. 85].

Так, текст вывески «*рыба в каменной кастрюле*» содержит словосочетание *каменная кастрюля*. С точки зрения норм русского языка, такое сочетание слов необычно.

В китайском быту существует посуда, сделанная из камня, в частности кастрюли, сковороды, сотейники и др. Следовательно, для китайца понятие «каменная кастрюля» не является необычным, как для русского человека. По ассоциации со своим родным языком (и национальной бытовой культурой) «создатель» вывески на русском языке употребил прилагательное *каменный* в привычном для себя варианте. Таким образом, из-за различий в бытовой культуре русских и китайцев в вывеске на русском языке проявилось действие лингвокультурной интерференции.

Лингвокультурные различия отражаются в текстах типа: «*Кастрюлька утюга варит рыб*», «*Жаркое голубь*», «*Ресторан собачина*» и др.

Китай обладает обширной территорией и является страной богатой различными природными ресурсами, поэтому в разных районах страны различаются климат, природные богатства, привычки и обычаи. В результате этого в разных районах Китая возникли особенности в культуре питания. Национальные особенности в приготовлении блюд отражаются и в китайских рекламных вывесках на русском языке. Для того чтобы отразить специфику

своего ресторана, хозяева обычно в текстах вывесок стремятся подчеркнуть эту особенность.

В вышеприведенных примерах речь идет о ресторанах с национальной китайской кухней, специфика которой передается лексическими средствами китайского языка «свежая рыба, мясо голубя, мясо собаки». Лексические средства конкретно номинируют названия национальных блюд.

В русских городах в названиях ресторанов с национальными блюдами для этой цели используется слово «кухня», например: «*Китайская кухня*», «*Узбекская кухня*», «*Турецкая кухня*», «*Армянская кухня*» и т.п. «Трудно представить себе в российском городе вывеску «Борщ» или «Котлеты» [4, с. 85], но в китайских рекламных вывесках на русском языке в приграничном г. Хэйхэ такое возможно, и национальными названиями китайских блюд пестрят названия ресторанов в городе.

Таким образом, из-за национальных различий в культуре питания русских и китайцев в китайских рекламных вывесках на русском языке проявляется лингвокультурная интерференция.

Отметим также, что конкретный перевод национальных китайских блюд в рекламных вывесках на русском языке не всегда удачен. Некоторые вывески, на наш взгляд, не нужно переводить на русский язык. Например, русские не едят мясо голубей, собак и т.д. Большинство из них, увидев такую вывеску, вообще не зайдут в ресторан и более того почувствуют отвращение к такой еде.

Иногда в процессе «перевода» китайского оригинального текста на русский язык возникают такие тексты рекламных вывесок, которые вызывают своим содержанием удивление, недоумение, насмешки у носителей русского языка. Например: «*Междупланетная связь*», «*Магазин Маша Все для здоровья: чай водка книга*», «*Чай и секс-шоп*», «*Ресторан "Дурацкий Директор"*» и под.

В тексте китайской рекламной вывески «*傻老板美食Ресторан "Дурацкий Директор"*» употреблено прилагательное *дурацкий*, имеющее в русском языке значение: «то же, что глупый ..., вызывающий отрицательную оценку и смех (*разг.*)» [3, с. 182]. С точки зрения китайского языка название магазина *傻老板Shǎlǎobǎn (дурацкий директор)* значит «искренний, правдивый директор». В русском же языке данное словосочетание имеет прямо противоположное значение: в русском оно передает отрицательную оценку, в то время как в китайском – положительную. Адресант (китаец) и адресат (русский) являются носителями разных культур и разных языков, и если для адресанта это словосочетание – норма, то для адресата – нарушение нормы.

Таким образом, лингвокультурная интерференция в текстах китайских рекламных вывесок на русском языке является результатом взаимодействия русского и китайского языков на уровне отражаемых ими культурных различий в межкультурной коммуникации, в результате чего возникают непонятные, неправильные, ошибочные с точки зрения носителя русского языка тексты вывесок.

Список литературы

1. Воробьёв В.В. Лингвокультурология (теория и методы): Монография. Изд-во РУДН, 1997. 331 с.
2. Гу Цзюньлин Причина переводческих ошибок вывесок // Русский язык в Китае. 2013. № 1. С. 54-57.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. М.:ООО «А ТЕМП», 2010. 944 с.
4. Петрова Т.И., Петрова В. И. Вывески на улицах города Хуньчуня: особенности русско-китайского языкового взаимодействия // Вестник Азиатско-Тихоокеанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. 2014. № 4. С. 82–85.
5. Полуяхтова С.В. Феномен интерференции в иноязычной профессиональной межкультурной коммуникации // URL:

<http://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-interferentsii-v-inoazychnoy-professionalnoy-mezhkulturnoy-kommunikatsii> (Дата обращения: 03.01.2017).

6. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово/Slovo, 2008. 344 с.

УДК 82.09

А.Е. Горковенко
Забайкальский государственный университет,
заведующий кафедрой русского языка как иностранного
доцент, кандидат филологических наук
E-mail: angor.10.09.66@list.ru

Влияние русской нереалистической литературы на становление китайского постмодернизма

Аннотация: В статье проанализированы основные источники влияния русской нереалистической литературы на китайский постмодернизм, который обозначается в культуре Поднебесной лишь в 90-е годы XX века. В Китае не было четких границ между модернизмом и постмодернизмом, в то время как переводы русских книг, созданных в указанных направлениях, постепенно способствовали художественному преодолению идеологических барьеров в стране.

Ключевые слова: модернизм, постмодернизм, литературное направление, идеология, социалистический реализм.

A.E. Gorkovenko
Transbaikal State University,
head of the Department of Russian as a foreign language,
associate Professor, candidate of philological Sciences (PhD)
E-mail: angor.10.09.66@list.ru

The influence of Russian non-realistic literature on the formation of Chinese postmodernism

Annotation: The article analyzes the main sources of influence of Russian non-realistic literature on Chinese postmodernism, which is designated in the culture of the Celestial Empire only in the 90s of the 20th century. In China there were no clear boundaries between modernism and postmodernism, while translations of Russian books created in these directions gradually contributed to the artistic overcoming of ideological barriers in the country.

Key words: Modernism, postmodernism, literary direction, ideology, socialist realism.

Началом нового периода развития русской литературы принято считать 1892, когда выходит книга Д. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». Безусловно, русский модернизм испытывал сильнейшее влияние французского символизма и итальянского футуризма, однако, индивидуальность творческого метода и неповторимость авторского мастерства ряда представителей Серебряного века не вызывают сомнений в мировой гуманитарии.

В 2010 году Владислав Третьяков в рецензии на две книги Марка Гамзы отмечает малоисследованную сторону влияния русской литературы на китайскую: восприятие модернистской литературы Серебряного века в Поднебесной в первой половине XX века [1, 2]. Оно впервые полно рассмотрено в книге Марка Гамзы «Перевод русской литературы на китайский язык: три исследования» (2008). В качестве «светил» Серебряного века, известных в Китае того времени, он называет три декадентских фигуры: Леонида Андреева, Михаила Арцыбашева и Бориса Савинкова. Их объединяет то, что ни не приняли большевистского режима и поэтому «литературная революция» 30–40 годов в Китае заставила предать имена трёх русских модернистов забвению.

Гамза рассмотрел четырнадцать переведённых на китайский язык произведений Арцыбашева, главным образом, романа «Санин» (1907), который вошёл в список самых популярных переводных книг, составленный в 1934 г. Национальной библиотекой Пекина. «Санин», появившийся в Китае в 1930 г. сразу в трёх переводах с английского, представлен в контексте дискуссий китайских интеллектуалов 20-х годов вокруг идеи индивидуализма. Если приверженцам «новой культуры», согласно Гамзе, импонировала идея индивидуализма и ими роман Арцыбашева приветствовался, то, согласно исключительно марксистской оценке одного из переводчиков, «Санин» – это «реакционная апология мелкобуржуазного индивидуализма». Более поздняя китайская критика видела в Санине

воплощение определённого типа китайского интеллектуала-вырожденца, который появился после поражения Великой революции 1925 г.

Сменившийся идеологический контекст, подавление «Движения 4 мая» новой критикой заставил многих воспринимать его и Серебряный век русской литературы как незавершённый интеллектуальный эксперимент: «И Арцыбашева, и Андреева, и Савинкова («пессимистов») перестали в Китае не только переводить, но и переиздавать; вместо них объектами пропаганды стали другие русские писатели. Всё это, однако, не умаляет того значения, которое имели в Китае три героя книги Гамзы – первые представители русской литературы, ассоциировавшиеся с литературной современностью» [5]. Начиная с 30-х годов, роль писателя в Китае виделась в ответе на социальные и политические вопросы, а литература должна быть морализаторской и реалистичной. В связи с этим во второй книге «Прочтение русской литературы в Китае» (2010) Гамза описывает русскую классическую литературу и советский социалистический реализм как «нравственный пример и практическое руководство». Такой виделась китайскому читателю (или должна была видеться согласно идеологической стратегии страны) наша словесность: «В русской классике XIX в. китайские читатели находили модель личного поведения, а в соцреализме – модель коллективной революционной борьбы» [5].

По мысли американского критика Марка Гамзы, наиболее популярными в Китае дореволюционными русскими писателями были Тургенев и Толстой. Ба Цзинь в начале 80-х говорил, что именно они первыми научили его тому, как быть хорошим, нравственным человеком, быть честным в жизни и говорить правду читателям.

От революционных критиков, идеи которых широко популяризировались в Китае XX столетия, – Белинского, Чернышевского и Добролюбова – китайцы узнали истинное предназначение литературы. Она отражает жизнь как таковую; правдиво изображает жизнь; служит жизни, оправдывая тем самым своё существование. Их часто цитировали вместе,

поэтому стали использовать специальную аббревиатуру: «Бечеду». Такое отождествление рассказанной истории с жизнью, героев с реальными людьми, а авторов с учителями применялось в Китае к русской литературе больше, чем к какой-либо другой. Как писал первый китайский марксист и будущий основатель китайской компартии Ли Дачжао еще в 1918 г. (в статье «Русская литература и революция», оставшейся тогда неопубликованной), русская поэзия отличается двумя свойствами: сильной социальной озабоченностью и «гуманистическим» отношением к политической борьбе за свободу. Подобные высказывания были продиктованы как политическими соображениями, так и не совсем правильными переводами, часто искаженными, русской литературы с английского языка, которая воспринималась и интерпретировалась слишком поверхностно, однобоко, была вырвана из исторического контекста и соответственно рассматривавшаяся в одном идеологическом ключе. Такой трактовке подверглась и классика «золотого века» и советская литература.

С 90-х годов XX века китайская литература кардинально меняет направление развития. Минуя модернизм, и рассматривая в начале XX века только его русский вариант, она получает общемировой импульс в контексте постмодернизма, Всё это активно осложняет и обогащает диалог с русской и мировой литературой. В 90-е годы начинают публиковаться тридцатилетние. Их именуют в Китае по-разному: (синь дай) – новое поколение, (хоу дай) – позднее поколение» [3, с. 71]. Наиболее известные представители в этой группе: Чэнь Жань, Линь Бай, Хай Нань, Сюй Кунь, Цю Хуа-дун.

В Китае конца XX века появилась собственная литература, которую называют модернистской (постмодернистской). К ней китайские литературоведы относят творчество Ма Юаня, Юй Хуа, Гэ Фэя, Вэй Хуэй. В 1999 году роман Вэй Хуэй «Шанхай баобэй» («Шанхайская крошка») стал международным бестселлером. С этого времени китайская литература все более определяется спросом, потребностями массовой культуры, и в то же время осознается китайскими авторами как часть мировой литературы. Они

стремятся ни в чем не отставать от писателей Европы и Америки, заимствуя их творческий опыт, развивая и обогащая его.

Сегодня можно с уверенностью констатировать, что корпус современных русских текстов, переведённых на китайский язык и вошедших в культурно-образовательное пространство Китая, достиг того минимума, когда возможны наблюдения, обобщения и даже компаративный анализ. Методология и методы анализа модернистской литературы (европейские, американские, российские, китайские) позволят рассматривать модернизм как синтетическое искусство, тесно взаимодействующее с философией, активизирующее диалог с религией и политикой в плане «революции духа», а, следовательно, стратегические последствия мыслятся в укреплении духа добрососедских взаимовыгодных конструктивных отношений – основе фундамента современной геополитики.

Русский и китайский модернизм и постмодернизм, безусловно, вторичны по отношению к европейскому и американскому. Китайские постмодернистские тенденции проявляются в литературе лишь в конце XX века, «минуя» необходимый инкубационный для России и Европы период. Генетически они ближе русскому постмодернизму и при этом имеют ярко выраженный национальный колорит.

Накопленный России и Китае корпус постмодернистских текстов (возможность репрезентативного анализа) дает основания для качественного исследования современной литературной ситуации и прогнозов ближайшего историко-литературного процесса.

Постмодернизм, как многозначный и динамически подвижный комплекс философских, научно-теоретических и эмоционально-эстетических представлений, появился примерно в конце 1950-х гг. прошлого века на Западе. Как направление в современной литературной критике он является, прежде всего, попыткой выявить на уровне организации художественного текста определенный мировоззренческий комплекс. По этому комплексу мир

как текст бессмыслен. В нем нет никакой истины. Всё является относительным. Совершенства нет ни в чём.

Зародившийся на Западе постмодернизм распространился во всём мире. В результате появилось много модификаций его, в том числе русский и китайский постмодернизм в литературе. Оба они сильно отличаются от западного постмодернизма. Но нетрудно заметить, что между русской и китайской постмодернистской литературой имеется как сходство, так и различие, о чём будет сказано ниже.

Как русское, так и китайское направление постмодернизма заимствовали теорию у Запада. Но обе страны имеют готовую почву и культурную атмосферу для скрещивания западного постмодернизма со своим литературным процессом. В результате зародилась постмодернистская литература со своими особенностями.

Постмодернистские тенденции появились в России гораздо раньше (в послесталинскую эпоху, в конце 1950-х годов), чем в Китае (после культурной революции, в конце 1970-х годов). Но обе страны в свое время столкнулись почти с одинаковой ситуацией: освобождение от политического диктата и идеологической однозначности. Обе они, в основном, боролись против тоталитаризма, идеализма в политике и культуре, выражали свое сомнение в утопических идеалах коммунизма, старались сорвать все официальные маски. Такая ситуация отличалась от Запада, где литературный постмодернизм появился в постиндустриальном обществе. Его сверхзадачей являлась борьба с радикальным рационализмом и логоцентризмом.

В России это проявилось в том, что после смерти Сталина началась «оттепель». Социальная атмосфера стала немного более либеральной. Среди русской интеллигенции появилось стремление к свободе и демократии. В эстетическом преломлении это связано с кризисом социалистического реализма. Целый ряд писателей, как Андрей Битов, Венедикт Ерофеев, Саша Соколов, Иосиф Бродский начали использовать новую манеру письма, отличную от соцреализма. В основу этой манеры легло свободное

поэтическое мышление, игра, текстуальная гетерогенность, смысловая множественность, прием авторской маски, ирония и пародийность. В произведениях этих писателей исчезла религиозная вера в коммунистическую утопию. Советский мир в их представлении лишился своего стержня и превратился в хаотический набор фикций, симулякров, за которым не ощущался никакой иной реальности. Впоследствии (в конце 1980-х) они были оценены как первые представители русского постмодернизма.

В Китае с конца 1970-х годов обнаружилась ненависть интеллигенции к пережиткам деспотизма в период культурной революции. Творческая интеллигенция стремилась к разрушению центрального властного дискурса. Западная литература как раз послужила стимулом для начала творчества китайских постмодернистов.

В 1980 году в Китае вышел первый сборник переводных произведений западной литературы «Сборник рассказов современных направлений». Но тогда вместо термина «постмодернизм» использовался термин «модернизм позднего периода» [6, с.57]. В первый раз термин «постмодернизм» появился в 1982 году в журнале «Ду шу» («Чтение книг») в статье критика Дуна Диншаня «Так называемая постмодернистская проза». Вслед за ним вышло множество статей о постструктуралистических теориях Ж. Деррида, М. Фуко и другие, и также появились переводы произведений западной постмодернистской литературы. Под влиянием этих произведений началось творчество Ма Юаня, первого представителя авангардного направления (постмодернистское течение) в китайской литературе. Он использовал новую манеру письма и индивидуальный стиль. За ним последовали группы молодых авторов, которых называли «авангардистами». Это писатели Хун Фэн, Сюй Син, Юй Хуа, Гэ Фэй, Сунь Ганьлу, Ван Шо, Мо Янь, Цань Сюе, Люй Синь, Лю Хэн, Бэй Цунь, Е Чжаоянь, Су Тун и др. Авангардная литература была заявлена как постмодернистская. Основанием для этого послужило, прежде всего, определенное сходство в текстуальном плане с образцами западной литературы постмодернизма. Это течение не получило широкого

распространения в силу своей авангардности, но оказало глубокое влияние на внутрицеховое состояние литературы. Постмодернизм в то время выступал как синоним плюрализма и индивидуализма в литературе. Он был отражением крушения отношения сотрудничества между интеллигенцией и государством и перехода их в противостояние.

С одной стороны, литературного опыта модернизма для развития постмодернизма в России было больше, чем в Китае. Это оказало благоприятное влияние на развитие постмодернизма в русской литературе. Русский постмодернизм во многом продолжает динамику модернизма и авангарда (кубизм, футуризм, дадаизм, сюрреализм, экспрессионизм) Серебряного века, и далее – неоавангарда 1950–1960-х годов (группа Л. Черткова, лианозовская школа, СМОГ – литературное объединение молодых поэтов, расшифровывающееся как «Смелость, Мысль, Образ, Глубина»).

В Китае опыт модернистского творчества оказался очень бедным. Хотя в 1910–1930 годов шло усвоение теории модернизма с Запада, особенно в поэзии, но после создания нового Китая (КНР) модернизм отрицался как буржуазное явление. В начале 1980-х годов в Китае резко возрос интерес к формальным приемам модернизма, но для творческой интеллигенции модернизм только послужил богатым источником новых средств самовыражения и выступил как знак «иного» по отношению к официальному реализму.

С другой стороны, по сравнению с русским китайский постмодернизм имеет более конформистский и консервативный характер с точки зрения деконструкции модернизма. По мере своего развития русский постмодернизм все осознаннее отталкивается от такой важной черты модернистской и авангардистской эстетики, как мифологизация реальности и индивидуальный поэтический миф. В результате постмодернизм стал деконструировать модернизм. Китайские постмодернисты не видят четкой границы между модернизмом и постмодернизмом. Приемы и мировоззрение модернизма просматриваются в постмодернистской литературе. Более того,

модернистские ценности и вера в прогресс по-прежнему находят широкую поддержку среди интеллигенции. Поэтому американский исследователь Тан Сяобин определяет постмодернизм в Китае как «остаточный модернизм». Это отражает синтетический характер модернизма и постмодернизма в Китае.

Признаки постмодернизма проявляются по-разному в русской и китайской литературе. Если в России внимание сосредотачивается на моделях мышления западной философии и её языковом выражении, то в Китае постмодернисты обращают больше внимания на форму произведения. Это связано с тем, что достижение западной философии и культуры получает более громкое звучание в России, чем в Китае. Исходным фактом для русского постмодернизма является исчезновение реальности в потоке симулякров и превращение мира в хаос текстов, культурных языков, мифов. В Китае традиционно существует утилитарный подход к литературе. Сложилось представление о том, что искусство есть форма. В 1990-е годы переходное состояние культуры и распад единых, центральных ценностей привели к формированию «вакуума» в современной китайской литературе. Нужно было искать новые литературные формы. Поиск форм в литературе неминуемо приводит к копированию Запада и имеет меньше новизны. Яркие особенности постмодернистской прозы в Китае заключаются в акценте на формальном и языковом уровне для выражения своего индивидуального «я».

Некоторые исследователи считают, что в китайском постмодернизме нельзя игнорировать политический и идеологический аспект. Это связано с тем, что литература все время находится под цензурой власти. Государственная идеология (1980-е годы) и законы рынка (1990-е годы) направлена на литературное творчество. В связи с этим постмодернистская литература является выражением идеологии новой рыночной экономики и ее спутницы – массовой культуры. Кроме того, теория постколониализма (одна из постмодернистских теорий) теперь тоже служит интересам националистической политики власти. По этим причинам, в умах интеллигенции китайский постмодернизм политизирован и идеологизирован.

Он по духу противоречит ее ценностям и во многом отвечает интересам правящей элиты и формулирующегося среднего класса. Это особенно отражается в творчестве «нового реализма», в прозе Ван Шо и его последователей.

Другие исследователи считают, что сам концепт «постмодерн» наполняется определенным антигосударственным смыслом, выступает против всякой гегемонии и центра. В постмодернистских произведениях провозглашается отказ идти в ногу с традиционной литературой. Писатели стремятся к независимости от контроля государства. Чтобы отстраниться от идеологии и открытого отрицания официоза, они часто используют пародию и сатиру. Значительная часть скрытых тем и смыслов в современной литературе как «политическая метафора» отражает взаимодействие творческой личности с государством и традиционным укладом. Поэтому можно сказать, что китайский постмодернизм аполитичен. Поэзия «посттуманных стихов» имеет эти особенности.

А в современной России почти не существует этой проблемы, потому что в 1990 г. произошла официальная отмена цензуры. Это освободило русскую литературу от политического тоталитаризма и идеологии. Благодаря отмене цензуры были опубликованы многие произведения «задержанной литературы», не увидевшие свет в свое время. Они пополнили запас русской классической и современной литературы. Кроме того, в современной России любой человек может писать, что он хочет. Темы и содержание не ограничиваются. Литература независима от политики и идеологии.

С начала 1990-х годов в России и в Китае складывалась очень похожая экономическая и социальная ситуация. Возникновение рыночных отношений вызвало коммерциализацию сознания. Развитие всемирной компьютерной сети коренным образом начало влиять на всю жизнь общества. Литература стала претендовать на свое место в электронном пространстве. В силу смещения социальных и духовных приоритетов изменились эстетические ориентиры самой литературы. Она утратила роль «учителя жизни» и

превратилась в один из видов развлечения и бизнес. Итак, с формированием новой экономической ситуации появился кризис ценностей в обеих странах, что побудило людей к пересмотру жизненных ориентиров. Это характерно для стран переходного периода.

Процесс перехода в Китае шёл медленно, постепенно, но в России всё произошло так резко и круто, что в 1991 году распался Советский Союз. Это повлекло за собой хаос. Советские люди в новой ситуации пережили более сильный духовный кризис и полностью потеряли жизненные ориентиры. В творчестве постмодернистов это проявилось в том, что темы и жанры более разнообразны, чем в китайской литературе постмодернизма. Кроме таких жанров, как постмодернистская проза и поэзия, в России ещё появилась постмодернистская драматургия. Русские постмодернисты в литературе не только обращаются к массовой культуре, рыночной экономике, советской и постсоветской политике, индивидуальности, но и к вопросу метафизики. В произведениях русских постмодернистов такие игровые приемы, как «фэнтези» и «римейк» занимают видное место. Эти приёмы предполагают взаимопроникновение достоверного и ирреального, допускают существование параллельных миров и мистики. Произведения такого свойства (например, В. Пелевин) соединяют в себе элементы остросюжетного триллера, сатирической фантазии, гротеска, иронической игры, пародии на лозунги и идеи культуры соцреализма, и элементы социалистического быта. В общем, русская постмодернистская литература перешла с эстетического и культурного рассуждения к метафизическому. В постмодернистских произведениях уничтожаются границы не только между массовым и элитарным, но и между чудесным и вероятным. Отношения между автором и текстом перешли к отношению между субъектом и миром. Здесь мы еще отметили множественность миров и виртуальность реальности в творчестве таких постмодернистских писателей, как В. Сорокин, Т. Кибиров, Д. Галковский, Д. Липскеров, А. Слаповский и другие.

По сравнению с Россией, государственное устройство КНР не претерпело значительных изменений в процессе реформ. Кроме того, в Китае процесс наступления капитализма очень стремителен и рыночная система почти уже сформировалась. Сейчас только идет процесс адаптации к ней народа. Поэтому главными для постмодернистских произведений 1990-х годов являются такие темы, как усиление индивидуализма, материализм, личная активность, внедрение денежного эквивалента в межличностные отношения, рост материального неравенства. Объектом критики с развитием рынка становится рыночная культура и масскульт, уродливые социальные явления, рожденные переменами. Тут можно наблюдать параллели с ситуацией в русской литературе, но необходимо помнить, что в Китае отношение к изменениям в связи с рыночной экономикой обретает звучание высвобождения индивида и расцвета частной инициативы. Именно в прозе «позднорожденных» отражается качественное изменение «духа времени». В их произведениях просматривается духовная усталость, осмеиваются идеалы, профанируется истина, прослеживается этический релятивизм, провозглашается высвобождение сексуального желания. Все эти особенности выступают как отражение трагического отчуждения индивида в условиях развития капитализма. Они особенно ярко видны в творчестве женщин-писательниц Чэнь Жань, Хай Нань, Вэй Хуэй, Мянью Мянью, Чжу Вэньин, Цзинь Жэньшунь, Чжоу Цзежу и др. Поэтому в китайском постмодернистском творчестве больше реальной жизни, а меньше метафизического мышления и фантастического сюжета.

Говоря о литературной ситуации в России, Лю Вэнфэй в интервью еженедельному приложению к газете «Бэйцзин цинняньбао» отметил: «После распада Советского Союза в 1991 году некоторые известные люди из-за переоценки ценностей стали преступниками. Вообще говоря, писатели утратили ориентиры. Можно сказать, что уровень и влияние в мире русской литературы после 1991 год пошли на спад. В России появилось много подражаний западной литературе. Сейчас видно, что так называемая

литература «постмодернизма» не особо согласуется с национальным характером России или с её литературной традицией. У меня такое ощущение, что русская литература начала разворот, возвращаясь к литературной традиции реализма» [4].

Таким образом, Китай и Россия, как две крупные и дружественные страны, имеют не только дипломатические, экономические отношения, но и связи в области культуры и литературы.

В 1950-е годы китайская литература переняла теорию и метод творчества соцреализма из русской литературы. С тех пор до 1980-х годов в Китае были осуществлены многочисленные переводы произведений русской литературы. Эта литература даже послужила духовным стержнем для несколько поколений. К сожалению, с 1980-х годов китайское культурное пространство начало заполняться переводной западной литературой. А связь современной русской литературы с китайскими читателями прервалась.

Русский и китайский модернизм (постмодернизм) – имеют общие корни, являются порождением европейской и американской моды и массовой культуры. Накопленный корпус постмодернистских текстов (возможность репрезентативного анализа) дает основания для качественного исследования современной литературной ситуации и прогнозов ближайшего историко-литературного процесса.

Всё это тесно связано с тем, что в последние годы Китай и Россия имеют много общего в области экономики, политики, культуры и литературы. Похожая ситуация служит источником интереса и способствует взаимопониманию. Но работа по переводу современной литературы только началась в обеих странах. Она ждёт совместного усилия русистов и китаистов, чтобы было осуществлено взаимопроникновение русской и китайской литературы и культуры.

Список литературы

1. Gamsa M. The Chinese Translation of Russian Literature: Three Studies. Leiden; Boston, 2008.

2. Gamsa M. The Reading of Russian Literature in China: A Moral Example and Manual of Practice. N.Y., 2010.
3. Ичжун Юй . Новое развитие русской литературы в первой половине 1990 годов // Современная зарубежная литература. 1995. № 4. С. 70–77.
4. Русская литература в Китае // URL: <http://russian.cri.cn/841/2013/04/18/1s465179.html> (Дата обращения: 07.01.2017).
5. Третьяков В. Русская литература в Китае // Новое литературное обозрение. 2011. №4 (110) // URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1103> (Дата обращения: 09.03.2017).
6. Чэньсун У. Обзор влияния постмодернизма на современную китайскую литературу // Бюллетень Шаньсиского педагогического института. 2002. № 4. С. 57–59.

УДК 882

И.А. Романов,
Забайкальский государственный университет,
декан факультета филологии и массовых коммуникаций
доцент, кандидат филологических наук
E-mail: igorromanoff@mail.ru

Русская литература в эпоху распутья

Аннотация: В статье представлен опыт рефлексии по поводу состояния русской литературы конца XX – начала XXI веков. Политические, социальные, культурные метаморфозы, произошедшие в России в этот период, не могли не сказаться на состоянии литературы. Драматизм и трагизм времени прекрасно передаётся в художественных произведениях, принадлежащих данной эпохе. Они фиксируют смыслы, актуализировавшиеся в последние десятилетия и не всегда совпадающие со смыслами русской классики. Эпатажность, пафос сомнения, безыллюзорность современной русской литературы выводят на первое место личность человека, оставшегося один на один с суровой реальностью жизни, а значит и идею самостояния.

Ключевые слова: маргинальный человек, пафос сомнения, самостояние, коллективизм, антиэстетичность, экстремальное, экзистенциальное.

I.A. Romanov,
Transbaikal State University,
Dean of the faculty of Philology and mass communications,
associate Professor, candidate of philological Sciences (PhD)
E-mail: igorromanoff@mail.ru

Russian literature in the era of the crossroads

Annotation: The article presents the experience of reflection about the state of Russian literature of the late XX – early XXI centuries. Political, social and cultural metamorphosis, that occurred in Russia during this period, could not affect the status of literature. The dramatic and tragic time is finely expressed in works of art belonging to that era. They fix meanings, aktualisierbaren in recent decades and do not always coincide with the meaning of the Russian classics. Outrageous, Paphos doubt, methyllisine of modern Russian literature derive in the first place the identity of the person, face to face with the harsh reality of life, and therefore the idea of standaloning.

Key words: Marginal man, the pathos of doubt, standaloning, collectivism, antistatichnost, extreme, existential.

Говорить о русской литературе конца XX – начала XXI веков одновременно и просто, и сложно. Просто – потому что интересно, потому что есть о чём говорить, сложно – потому что литература последней четверти века представляет собой разнородное, никак не укладывающееся в искусственные литературоведческие схемы явление.

Исходной точкой отсчёта того состояния, в котором пребывает новая русская словесность, стали события начала 90-х годов. Радикальный переворот в общественной, экономической, политической жизни страны поставил русскую литературу в такое положение, в котором она ещё никогда не пребывала. Неожиданное исчезновение «направляющей руки» коммунистической партии и цензуры привело к тому, что после 1991 года, по определению А. Гениса, «русский писатель – впервые! – остаётся один на один с русским читателем». В результате всё в литературе смешалось. Всем надоевший соцреализм с его верой в будущее, оптимизмом и симпатичными строителями коммунизма, с потерей идеологической подоплеки потерял всякий смысл. Стала быстро терять читательский интерес и гремящая на волне перестройки литература разоблачения тирании: борясь за поправное человеческое достоинство, за свободу и демократию, писатели-диссиденты в

начале 90-х годов вдруг отстали от самой жизни. Фактически в тупике – идейном и художественном – оказалась и так называемая деревенская проза. Книжные прилавки заполнились бульварным чтивом, тиражи «толстых» журналов рухнули, в критике прокатился стон о конце литературы.

Именно с начала 90-х годов и (в значительной степени) до наших дней в массовом читательском сознании господствует стереотип: «настоящая», «большая» литература умерла. Почти везде в школьном преподавании литературный процесс остановился где-то в середине 80-х произведениями В. Распутина и В. Астафьева. Подавляющее большинство читателей оказалось не готово воспринимать произведения писателей, заявивших о себе после 1991 года, отсюда и скептическая оценка достижений новой русской словесности: ну, слышали про «странного» Пелевина, матерщинника Сорокина, скандалиста Лимонова – так разве это Литература? Чему она учит и куда ведёт?

Навязанная даже не десятилетиями, а веками идея о проповеднической роли литературы не дает покоя. Русский читатель привык, чтобы писатель, ставя в своих книгах нравственные, философские, социальные и иные проблемы, сам же их и решал, давая некие примеры внутреннего преображения человека, его духовного воскресения или гибели. На самом деле подобные примеры оказывались весьма далеки от жизни (иначе как объяснить тот факт, что Россия – страна, где каждый человек со средним образованием знаком с «Преступлением и наказанием» Достоевского – наверное, самым «нравственным» романом мировой литературы – занимает одно из первых мест по количеству умышленных убийств?). Новая русская литература, принципиально отказываясь от прямолинейного дидактизма, не даёт никаких односложных ответов и никаких умозрительных «примеров», она заставляет читателя думать и искать ответы самому.

Многих пугает жесткость, а иногда и жестокость некоторых современных авторов: наличие в текстах грубых слов, шокирующих описаний. Критически относясь к этому, нужно всё-таки иметь в виду, что

современные авторы оказались обречены на изображение реалий дикой российской действительности конца XX века. Акцент на экстремальном требует и соответствующих художественных средств: мат на страницах книг совсем не обязательно принимать, но важно понять, почему он появляется.

Доминирующим героем современной прозы становится маргинальный человек, живущий в мире, лишенном четких и незабываемых духовных ориентиров, существо, которому не во что верить. Поэтому основной пафос современных авторов – пафос сомнения. «Русская литература засомневалась во всём без исключения: в любви, детях, вере, церкви, культуре, красоте, благородстве, материнстве, народной мудрости, а позднее и в Западе», – говорит писатель и критик В. Ерофеев. В конечном счёте сомнение и есть отражение нынешней духовной ситуации в стране. Ни одна система ценностей, претендующая на сакральность, священность, не способна сейчас объединить если не всё население России, то хотя бы большинство. В результате современный человек остается как бы на распутье, без твердой духовной почвы под ногами. Психологи выделяют такие черты маргинального сознания, как сомнение в своей личной ценности, ощущение бессмысленности жизни, одиночество, отчужденность, тревожность, отчаяние. Литература фиксирует это мучительное экзистенциальное состояние современного человека в зыбком, обесмысленном мире, при этом не предлагая иллюзорных рецептов спасения. Отсюда – из этого внутреннего напряжения – и проистекает стилистическая экстремальность, антиэстетичность современной словесности, так пугающая некоторых читателей и учителей школ.

Но если новая литература не указывает на пути преодоления кризиса, то в чём же тогда её польза для человека? И есть ли эта польза вообще?

Как представляется, безусловно, есть. Лучшие современные писатели предлагают читателю опыт выживания в нынешней жесткой и по сути абсурдной действительности, попытку обретения хоть какой-то основы бытия. Так, например, главной темой большинства произведений В.

Пелевина, чье творчество опирается на философию дзен-буддизма, становится тема неприятия современной реальности. Отсюда – сквозной мотив ухода (не смерти, нет, именно ухода) из нее в принципиально иную, неведомую реальность, куда ведет человека творчество.

Основная тема многих произведений В. Маканина – противостояние личности и толпы. Русская литература конца XX века пришла к пониманию того, что игнорирование интересов личности ради иллюзорных интересов коллектива ведет к деградации. Главное для героев Маканина (повесть «Лаз», роман «Андеграунд, или Герой нашего времени») – сохраниться как личности, не стать частью толпы. Самостояние (так непопулярное в русской классической литературе, пропитанной идеологией коллективизма) всегда достается дорогой ценой, но иначе нельзя, любая уступка чревата растворением собственной уникальности в коллективной безответственности. Маканинская постановка проблемы особенно актуальна для России – страны, где личное начало никогда особо не жаловали, что, возможно, и объясняет катастрофизм отечественной истории XX века.

В незатейливых, на первый взгляд, произведениях Е. Попова содержится своя особая философия. Ее смысл – в приятии жизни такой, какая она есть, со всей ее бессмыслицей и нелепицей. Жизнь ценна сама по себе, и нужно уметь ей доверять и ценить ее.

К сожалению, нынешний читатель (и особенно провинциальный) мало знаком с лучшими авторами и произведениями последнего времени. Один из ведущих критиков А. Немзер в статье с говорящим названием «Замечательное десятилетие», подводя итоги литературного развития в 90-е годы, пришел к странному выводу. Сейчас мы имеем ситуацию, когда есть целый ряд интересных авторов и произведений, когда есть литература, но при этом по большей части литература эта не пришла к читателю. Развязка этой ситуации может быть такой: читатель, наконец, появится, но не будет уже литературы.

Некоторые школьные учителя, отказываясь от работы с текстами современных писателей, говорят о том, что классика гораздо важнее. Классика, действительно, важна, однако не стоит забывать о том, что многие авторы, которые являются сейчас безусловными классиками, долгое время не имели широкого признания (например, почти все представители Серебряного века). Смысл классической литературы в её вечной актуальности. Однако и лучшие современные авторы поднимают те же вечные проблемы, но на основе нового, живого материала и современным языком. Наличие в произведениях современных реалий, безусловно, привлекает к ним читателя, для которого даже антураж классических текстов, созданных 150 лет назад, подчас не совсем понятен (автору данных строк не раз приходилось встречать такое мнение в сочинениях выпускников средних школ). Очевидно, что отсутствие внимания к произведениям современной литературы может убить интерес к художественным книгам вообще.

В заключение хотелось бы сказать о том, что в наше время господства телевидения и Интернета роль художественной книги не уменьшается, а только увеличивается. Почему? Да потому, что чтение – это настоящий труд, требующий работы ума, памяти, эрудиции, движений души. Во время тотального телевизионного прессинга, либо соблазняющего на потребление всевозможных сериалов и развлекательных шоу, либо обрабатывающего умы пропагандистскими инсинуациями, только читая книгу (естественно, речь идёт о произведениях экзистенциального плана, а не о бульварном чтиве), человек по-настоящему работает над собой, размышляет, вырабатывает свое мнение. Сознанием человека, приученного к чтению, гораздо сложнее манипулировать. В этом смысле радует то, что интерес к книге у представителей молодого поколения России активизировался и благодаря произведениям современных авторов (например, романы того же В. Пелевина, А. Иванова, З. Прилепина стали настоящими бестселлерами). Лучшие произведения новейшего времени позволили читателю, преодолевая навязанные стереотипы сознания, по-новому, более свободно смотреть и на

саму литературу, и на важнейшие жизненные проблемы. Кроме того, нужно признать, что смысловое ядро лучших произведений современной литературы составляет конфликт между дегуманизированным, то есть «расчеловеченным» миром и ценностями традиционного гуманизма. Посыл лучших современных писателей к читателям при этом прост: нужно оставаться человеком несмотря ни на что.

УДК 821.161.80

С.В. Петухов
Ленинградский областной институт развития образования (С.-Пб.),
старший преподаватель кафедры филологического образования,
кандидат филологических наук
E-mail: 888pes@gmail.com

Восприятие творчества А.П. Чехова в социокультурном пространстве Китая

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы восприятия художественных произведений А.П. Чехова в Китае. Представленная писателем национальная картина русского мира оказалась близка и понятна китайским читателям. Особое внимание уделяется влиянию творчества Чехова на художественное сознание Лу Синя и сделанным по этому поводу наблюдениям китайских литературоведов. Дается сравнительная характеристика некоторых рассказов двух авторов. Юмор Чехова и традиционных представлений китайцев о комическом во многом перекликаются, и особенности этого сходства проанализированы в статье.

Ключевые слова: Юмор, комическое, ирония, картина русского мира, герой, образ интеллигента.

S.V. Petukhov
Leningrad regional Institute of educational development (S.-Pb.),
senior lecturer of the Department of philological education,
candidate of philological Sciences (PhD)
E-mail: 888pes@gmail.com

Perception of A.P. Chekhov In the sociocultural space of China

Annotation: The article deals with the perception of fiction of A.P. Chekhov in China. The national picture of the Russian world presented by the writer turned out to be close and understandable to Chinese readers. Particular attention is paid to the influence of Chekhov's creativity on the artistic consciousness of Lu Hsiin and the observations of Chinese literary scholars on this subject. A comparative description of some of the stories of two authors is given. Chekhov's humor and traditional Chinese representations of the comic are in many ways echoing, and features of this similarity are analyzed in the article.

Key words: Humor, comic, irony, picture of the Russian world, hero, image of an intellectual.

Одним из самых любимых в Китае русских авторов стал Антон Павлович Чехов, целебная сила творчества которого близка искусству Поднебесной. Пьесы «Вишневый сад», «Три сестры», «Дядя Ваня» не сходят с театральных подмостков Пекина, Шанхая и других мегаполисов многомиллионной восточной цивилизации. Ежегодно в разных городах Китая проводятся чеховские фестивали. На китайский язык переведен весь Чехов, глубоко взволновавший читающую Поднебесную.

Основоположник современной китайской словесности Лу Синь говорил, что Чехов для него – автор, которого он любит больше других. Чехов рисует повседневность во всем ее многообразии: рождение, взросление, первые любовные увлечения, чиновничья служба, – широчайший спектр бытовых проявлений в художественном мире Чехова представлен как национальная картина русского мира, которая оказалась близка и понятна китайскому народу. Новизна образа чеховского интеллигента со своими разочарованиями и мечтами напоминают китайской интеллигенции её собственную судьбу. Один критик даже отметил, что между Чеховым и любящими его китайскими интеллигентами существует какое-то сходство. И сходство это не только в профессии, жизнедеятельности, но и в жизнестроительстве нового мира. Именно его строительством и были озадачены литераторы Китая XX века и, прежде всего, Лу Синь.

Влияние творчества русского классика на художественное сознание Лу Синя отчасти содействовало рождению новейшей китайской литературы. Он высоко ценил произведения русских и советских авторов и постоянно знакомил соотечественников с ними. В молодости Лу Синь пытался выучить русский язык, но обстоятельства заставили его прервать занятия. Однако произведения русских писателей он переводил с японского и немецкого языков, которые хорошо знал. Его переводы А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Чехова, М. Горького, Л.Н. Андреева, А.А. Фадеева остаются на сегодняшний день одними из лучших, хотя сам писатель оценивал их достаточно критично.

Творчество Чехова-юмориста давно вызывало большой интерес литературоведов как в Китае, так и в России. Начало творчества Чехова необычно и даже неожиданно для русской классической литературы. Жанр пародии прижился в раннем творчестве писателя. Шаблон, механистичность жизни человека как проявление социальной ограниченности всегда встречал по-китайски незлую насмешку Чехова, которая оказалась близка и понятна Лу Синю. Небезызвестно, что некоторые исследователи называли его «китайским Чеховым», указывая на то, что в их жизненных судьбах и творчестве было много сходных черт. Сам Лу Синь умело использовал иронию и сатиру, безусловно, опираясь на достижения Чехова, хотя традиционный Китай не знал, что такое сатира в европейском (античном) понимании этого слова. Сатира в восприятии китайцев – это комическое во всём его многообразии. Но сатира, обязательно по-чеховски «мягкая», сдержанная, позитивная, а, главное, с «лечебным» прагматическим эффектом. Поэтому творчество доктора-писателя Чехова столь стремительно «ворвалось» в социокультурное пространство Китая начала XX века.

Чехов завершает классический этап русской реалистической литературы XIX века. При чем, реализм нами понимается как художественное, а не социальное явление. Общепризнано влияние чеховской прозы и драматургии на русскую литературу и театр XX века. Однако, чтобы

правильно определить место и роль того или иного великого писателя в истории литературы, недостаточно рассматривать его влияние лишь только внутри собственной литературы, нужно также исследовать влияние его творчества в масштабах литературы мировой, в том числе рецепции и репрезентации русского текста на Востоке. Только так мы можем в полной мере оценить цену и смысл творчества великого писателя.

Проблема восприятия «другого» текста сквозь фильтры «своей» культуры одна из самых сложных в литературоведческой науке. Что писатель заимствовал, а что возникло в результате его собственного имманентного развития? Как сплелись и влияли друг на друга собственные приемы художника и что «взяты» у других? Почему было взято то, а не другое? Что явилось результатом воздействия, а что типологического совпадения? Проблемам генезиса, влияния, восприятия традиции посвящены работы А.Н. Веселовского, Ю.Н. Тынянова, В.В. Виноградова, А.П. Скафтымова, В.Я. Берковского, М.П. Алексеева и др.

Характер сходства юмора Чехова и традиционных представлений китайцев о комическом во многом близки. Тут соединены результаты непосредственного соединения и объективных типологических совпадений, обусловленных сходными социальными условиями и общим контекстом мировой литературы XIX – начала XX веков.

Возникновение любого влияния всегда связано как с социальными переменами, так и имманентными законами развития самой литературы и культуры. Рассматривая любое влияние в исторических и объективных, конкретных и сложных взаимосвязях, мы сможем по-настоящему понять место и роль Чехова в истории современной китайской культуры, истоки ее рождения и развития. Одновременно мы сможем глубже понять художественное значение русской литературы для Китая.

Чехов – один из немногих русских писателей, которому китайские художники слова следуют в своем творчестве. По мнению исследователей, китайских читателей привлекает в Чехове складный, уравновешенный

характер, который близок китайскому менталитету. Художественный стиль Чехова отличается сдержанностью, которая, по словам известного китайского историка и писателя Го Мо-жо «очень подходит вкусу восточного народа». «В литературе восточный народ любит что-то лирическое, любит что-то глубокое и богатое содержанием, но не страдающее тяжеловесностью; любит вкус, который похож <...> на вкус зеленого чая, к легкой сладости которого примешивается некоторая терпкость <...> Все должно иметь внутреннюю, скрытую красоту, а не внешнюю пышность. Восточный народ любит скромные тона, любит меланхолию, а не гоняется за величием, которая пугает своей гнетущей силой» [4, с. 23].

Историю изучения Чехова в Китае условно делят на три периода [5].

Первый период охватывает почти всю первую половину XX века. Тогда по причине слабой распространенности русского языка в Китае Чехов был представлен китайской публике через переводы его произведений с русского языка на другие, более распространенные в Китае иностранные языки, главным образом, английский и японский, или же через китайские переводы с этих же языков.

Второй период начинается с образования Китайской Народной Республики в 1949 году и завершается в 1976. На этом этапе тесное политическое и культурное сотрудничество между Китаем и Советским Союзом способствовало изучению Чехова в Поднебесной. Но во время так называемой «культурной революции» в Китае (1966-1976) изучение иностранной литературы вообще было прекращено, чтобы оградить китайский пролетариат от «заражения» чуждой идеологией.

Третий период, начавшийся в 1977 году, считается, продолжается до сегодняшнего дня. Это время активного развития чеховедения в Китае. Появляется академическая критика, развиваются сравнительные исследования, посвященные Чехову и китайским писателям.

Две большие литературные системы – российская и китайская – активно взаимодействуют друг с другом на протяжении уже более чем ста

лет. Сравнительное изучение разных национальных культур сегодня стало одним из важнейших методов в мировой науке. Именно культурное взаимодействие содействовало рождению новейшей китайской литературы. Это позволило поставить и проблему воздействия русской литературы, в частности Чехова, на творческое сознание китайского читателя, что могло бы помочь выяснению некоторых сторон объективных законов литературного развития.

Исследователь Чжоу Си-Чан в статье «Мое скромное мнение о рассказах Лу Синя и Чехова» рассмотрел три главных элемента в творчестве двух великих писателей. Чжоу, прежде всего, отмечал общее у авторов – в описании тяжелой доли трудящихся. Сравнивая «Моление о счастье» Лу Синя и «Тоску» Чехова, он говорил, что герои этих рассказов – одинокие бездомные труженики, каждый из которых, потеряв единственного любимого сына, не нашел никакого сочувствия и никакой поддержки у окружающих. Оба писателя использовали повтор деталей в качестве наиболее выразительного художественного средства. Иона в «Тоске» снова и снова обращается к своим знакомым: «А у меня, тово... сын на этой неделе помер...», тетушка Сян-линь из «Моления о счастье» тоже повторяет своим односельчанам: «Я, правда, глупая...».

Сопоставляя одноименные рассказы Чехова и Лу Синя «Переполох», Чжоу отмечал, что в обоих рассказах «зачинщики переполоха» не трудящиеся, а эксплуататорские паразитические классы» [8, с. 133].

На основе этого Чжоу Си-чан сделал неожиданный вывод, что, хотя вряд ли это так, Чехов и Лу Синь одинаково судят о социальном расслоении общества. Это уподобление явно поверхностно, потому что кроме названия, ничего общего между этими рассказами нет.

Чжоу Си-чан анализировал еще одну сторону творчества Чехова и Лу Синя – изображение интеллигентов. Оба, считал литературовед, «карикатурными штрихами беспощадно бичевали и едко высмеивали реакционных интеллигентов» – Беликова («Человек в футляре»), Сы Мина

(«Мыло») и Гао Эр-чу («Почтенный учитель Гао»). У трех героев была общая «боязнь всего нового» во имя защиты старого порядка. Они явились футлярными фигурами, эрзацами жизни. А своих идеальных героев, по его мнению, оба воплотили в образах сумасшедших – Ивана Дмитрича («Палата №6») и одного из «братьев Х» («Дневник сумасшедшего»). Однако истолкование этих персонажей как абсолютно «идеальных героев» не совсем убедительно.

Мир чеховских и лусиневских произведений включает в себя множество разнообразных человеческих характеров. Однако при всем индивидуальном многообразии герои Чехова и Лу Синя схожи в том, что всем им не достает чего-то самого важного. Они пытаются приобщиться к подлинной жизни, но, как правило, так и не обретают духовной гармонии. Ни любовь, ни служение науке или каким-то общественным идеалам – ни один из путей достижения цельности им не подходит. Вот почему жизнь по какому-либо идеологическому шаблону и миропонимание, основанное на устоявшейся системе социальных и этических ценностей, осмыслены Чеховым, а вслед за ним и Лу Синем как особая социально-духовная субстанция – пошлость. Жизнь, повторяющая какие-то «совершенные образцы» лишена духовной самостоятельности, а значит, и смысла.

Касаясь близости Чехова и Лу Синя как художников, Чжоу называл лаконичность, компактность, простоту языка и умение «показать богатое содержание в бесцветной обыденной жизни и вскрыть важную социальную проблему в житейских мелочах». Художественной доминантой в произведениях Чехова и Лу Синя становится отсутствие события, поскольку в событийной перспективе произведения в равной мере важно и то, что случилось, и то, чего не произошло. В рассказах двух писателей взаимодействуют разные человеческие «правды». Умение коротко говорить о долгих обстоятельствах – редкий дар, которым обладал Чехов и которому пытался следовать Лу Синь в своем творчестве. Центр тяжести в рассказах и того, и другого перенесен с развития событий на бессобытийное течение

жизни в ее обыденной повседневности. Нет интриги, события не выходят за рамки быта в рассказах Чехова «Ионыч», «Учитель словесности» и Лу Синя «В кабачке», «Одинокий».

Тем не менее, обобщая свои наблюдения, Чжоу подчеркнул, что между Чеховым и Лу Синем все же различий больше, чем сходства, и что эта разница заключается в мотивах творчества, идейной глубине текстов и выборе сюжета. Цель изучения сходства и несходства двух великих писателей состоит в том, писал он, чтобы показать, как «последователи на своей собственной почве обновили и развили то, что перешло к ним от предшественников». Чжоу считал, что Лу Синь был «превосходным образцом» такого наследования традиций.

В статье о «Смерти чиновника» А.Чехова и «Разводе» Лу Синя другой исследователь, критик Линь Син-Чжай утверждал, что в этих рассказах «почти совершенно одинаковая тема – устрашение как характерная особенность феодального самодержавного общества и рабская психология членов этого общества» [2, с. 197]. По мнению Линя, крик генерала «Пошел вон!!» и крик Его превосходительства Ци: «Эй! сюда-а!» – «угрожающие сигналы могущественной угнетающей машины феодального самодержавного общества».

В феодальном обществе бюрократические учреждения <...> составляют огромную сеть власти, где <...> выражение лица, поза, поведение, речь и даже жест» большого чиновника «могут стать невидимой силой устрашения и осуществлять контроль над поведением масс» [2, с. 198]. Соответственно у подчиненных складывается и особая, рабская психология, которая выражается в самоунижении, покорности и слепом повиновении. Протест Чехова и Лу Синя против рабства социального и психологического, безусловно, был воспринят китайским народом как явление, примета нового «лучшего» времени.

Сближая «Ионыча» и «В кабачке», а также «Скучную историю» и «Одинокого», критик Ма Чжэн отмечал, что в судьбе Ионыча отражается

«замкнутость общественной среды России и <...> непрерывное расслоение мещанства под натиском сил капитализма» [5]. Идеологическое восприятие чеховского текста стало концептуальным для китайского сознания в XX веке, что снизило эстетизм художественного восприятия русского писателя. Китай начала прошлого столетия искал идеологический фундамент, именно поэтому Чехов воспринимался революционно, как знамя великого будущего. А родимые пятна прошлого беспощадно развенчаны в творчестве Чехова, в частности, в рассказе «Ионыч», стали руководством к действию для многих китайских интеллигентов. Сюжет рассказа прост – это не только история несостоявшейся женитьбы Дмитрия Ионовича Старцева, а фактически история всей его жизни, прожитой бессмысленно. Указания на время в новелле «удлиняют» повествование, выводят его в новую смысловую перспективу: неслучившееся событие – несложившаяся жизнь – утраченное собственное имя. Перерождение Люй Вэй-фу у Лу Синя (рассказ «В кабачке») из человека с идеалами и характером в человека смиренного, безответного и равнодушного, – это «процесс его укрощения авторитарной культурой и этикой», которые «душат личность человека и притупляют его характер».

В душевном кризисе и безвыходности Николая Степановича («Скучная история» Чехова) Ма Чжэн усмотрел застой, удушливость и нелепость жизни, а в гибели Вэй Лянь-шу, бунтовщика, неуклонно противостоящего авторитарному строю, – губительную силу иерархического и патриархального общества и порожденного им консервативного сознания. По мнению Ма, Чехов и Лу Синь одним и тем же путем раскрытия трагической судьбы «более чутких и активно реагирующих на общественные перемены интеллигентов <...> исследовали социальные проблемы, природу национальной психологии и специфику национальной культуры» своей страны [9, с. 258].

В статье «Наш скромный анализ мастерства иронии в рассказах Лу Синя и Чехова» Чжу Шоу-тун и Яо Гун-тао писали, что «по логике мысли и

по методу мышления у них есть одинаковая основа для иронического выражения» [3, с. 386]. А основа эта, по их словам, – состоит в том, что оба писателя «остро критиковали пошлость как слабость своих сограждан» и понимали, что «эта слабость такая всеобщая», что ее необходимо судить средствами иронии, «чтобы люди могли распознать безобразие пошлости в так называемом «понятном и естественном явлении» [3, с. 389]. Таким образом, Чжу Шоу-тун и Яо Гун-тао выявили мотивы, побудившие Чехова и Лу Синя использовать прием иронии. Но их анализ мастерства иронии в творчестве двух писателей, к сожалению, не развернут, и приведенные примеры часто неубедительны. Они отражают недостатки китайского литературоведения в изучении творчества Чехова и Лу Синя.

А между тем юмор, ирония и сатира действительно сближают Лу Синя и Чехова. Лу Синь высоко ценил смех Чехова. В предисловии к своему сборнику переводов чеховских юмористических рассказов он писал: «Эти рассказы <...> не просто только вызывают смех. Конечно, при чтении их невольно засмеешься, но после смеха все же что-то остается» [6, с. 4].

Сам Лу Синь умело использовал иронию и сатиру. Он особенно близок к Чехову объективностью и сдержанностью скрытой иронии. Приведем примеры иронии Лу Синя при изображении повествователей в рассказах «Моление о счастье» и «Скорбь по ушедшей». И рассказчик в «Молении о счастье», и Цзюань-шэн в «Скорби по ушедшей» представляют собой порядочных интеллигентов демократического склада с критическими взглядами на общественные проблемы и обычно воспринимаются как «положительные образы», над которыми иронизировать не принято. Но в глазах Лу Синя они не положительные герои, а просто слабые интеллигенты. Только здесь Лу Синь применил иронию более мягкую и тонкую – он предоставил читателю самому судить о персонажах по их поступкам и словам. Так, авторская усмешка над рассказчиком в «Молении о счастье» – интеллигентом, в общем, гуманным, но в сущности трусливым, безответственным и равнодушным, слышится в его уклончивом ответе на

вопросы тетушки Сян-линь о Духе и Аде. А раскаяние Цзюань-шэна, каким бы оно ни было самокритичным и скорбным, не лишено самолюбования. Подобного типа ирония видна и у Чехова, например, при изображении Шамохина («Ариадна») и художника («Дом с мезонином»). Разница только в том, что у Чехова эта ирония еще более тонкая. И это естественно, поскольку Лу Синь всегда резче в своих средствах изображения.

В статье «О сопоставлении творчества Чехова и Лу Синя» Ван Дань утверждал, что их общность состоит в «тяготении и упорном стремлении к правде; человеколюбию и искренности; реалистическом и практическом подходе к делу <...> ненависти к фальши, лицемерию и злодейству; смелости порвать с традицией и обновить литературу и искусство своей страны» [1, с. 150]. В творчестве Лу Синя Ван видел три признака влияния Чехова: «слияние четкой идейной позиции с в высшей степени объективным описанием реальной жизни»; «превращение самых обыкновенных житейских мелочей в сюжеты рассказов, выявление противоречий и конфликтов общества и вскрытие их социального значения в этих самых обыкновенных мелочах», сочетание сочувствия, воспевания и критики в своем отношении к «маленькому человеку» [1, с. 152].

Таким образом, у Чехова и Лу Синя излюбленной сюжетной ситуацией становится испытание героя бытом. Характер и психология героев раскрывается, как правило, в сюжете, в котором интрига едва намечена. Изменив ракурс изображения человека, Чехов, что привлекало в нем Лу Синя, акцентировал внимание на смене настроений персонажей, случайных репликах, лейтмотивных деталях, подробностях внешнего облика, которые оказались важнее авторских диагнозов и оценок. Обоих писателей интересовал не столько социальный статус персонажей, сколько варианты их поведения, закономерное и случайное в их судьбах.

Юмористическое начало для Чехова-писателя не было случайным. В художественном отношении юмористические рассказы созрели ранее других его жанров. Еще современники Чехова пытались определить природу его

смеха, установить его своеобразие. Чаще всего Чехова-юмориста критика сопоставляла с Гоголем: у обоих смех сквозь слезы. Кто-то однажды переиначил эту формулу, слезы – сквозь смех. В стараниях уточнить эти определения приходили и к неожиданным заключениям. В.О. Ключевский, например, писал в 1899 году: «Чехов исподтишка смеется над изображаемой жизнью. Но это ни горько смеющийся плач Гоголя, ни гневно бичующий смех Щедрина, ни тоскующая сатира Некрасова: это – тихая, уравновешенная, болеющая и соболезнующая улыбка над жизнью, не стоящей ни слез, ни смеха» [7].

Чехов умеет и то и другое: смеяться над тем, что по существу не очень весело, и сочувствовать тому, что как будто смешно. И еще умеет, конечно, стать над своими героями – над их мелкими страстями и заботами, суетностью и корыстолюбием одних, прекраснодушием других.

К шедеврам его юмористики относятся широко известные рассказы: «Смерть чиновника», «Толстый и тонкий», «Хамелеон», «Хирургия», «Налим», «Лошадиная фамилия», «Злоумышленник», – все они переведены на китайский язык. В этих рассказах есть чему улыбнуться, над чем засмеяться, но в целом они освещены мыслью автора о неисполнившихся надеждах и несостоявшемся человеческом счастье. Чехов умел смеяться весело и как будто без всякой «задней мысли», строя сюжеты на психологических казусах и нелепых происшествиях, то есть на комизме положений.

Чем меньше в человеке человеческого, тем жестче почерк юмориста. Когда Чехов хочет указать на бездушие героя, он придает ему свойства манекена, и в юмористическом рассказе возникают грозные очертания сатиры. Такой герой живет в плену нескольких закостеневших представлений, они, как панцирь, стискивают его живое чувство, глушат мысль.

Смех Чехова направлен против человеческих пороков независимо от чина, культуры, сословия героя. И в этом, пожалуй, самое существенное

отличие от китайского юмора, который не допускал смеха над вышестоящим. Мелкость души и низость побуждений он презирал и в «маленьком человеке», угнетенном чиновнике. Гоголь чуть не плакал над судьбой Акакия Акакиевича, Достоевский тосковал по поводу униженных и оскорбленных. Обратив взор к тому дурному, что в «маленьком человеке» пробуждало жестокое время, молодой Чехов смеялся над ним. Этим определялось большое общественное значение его юмористического творчества, и с высоты нашего времени это видно особенно ясно.

Чехов всю жизнь выступал против мещанства. Интеллигенция Китая начала XX и ее ярчайший представитель Лу Синь, безусловно, «впитывали» бесценный опыт Чехова в обличении социальных пороков, но дело в том, что их борьба, их критика в общем и целом не относилась к политической сфере, а больше была связана с эстетической, этической и нравственной стороной жизни, что делала ее общечеловеческой.

Критика главным образом проявилась в их внимании к индивидуальности и в гуманизме. Китайская сатира аполитична, хотя китайские интеллигенты начала XX века, хотели они того или нет, не могли не участвовать каким-либо образом в политической борьбе – такое было время. Однако, традиции «мягкости» во многом определяли интерес к творчеству самого ироничного русского писателя конца XIX века. То, что его произведения тесно соприкасаются с социальными переменами, еще более углубляло и расширяло их общественную значимость.

К сфере литературных связей между Чеховым и традиционной культурой Китая имеют также отношение те задачи, которые были возложены историей на китайских писателей и читателей. Главной миссией было – обновить и развить национальную литературу, чтобы она еще эффективнее отображала реальную жизнь Поднебесной. Китайские писатели выполнили эти задачи, главным образом, посредством заимствования элементов художественной формы иностранных литератур и соединения их с традиционной формой китайской литературы. Поэтому основная

историческая заслуга Чехова заключается в том, что он гармонично вошел в социокультурное пространство Китая как традиционное, так и синхронное.

В чеховском искусстве китайскому читателю импонировали его серьезность и неумение подлаживаться под вкусы обывателя, глубокий аналитизм и психологизм, а главное, ироническое (не линейное) умение воссоздать это в художественной прозе.

Таким образом, связь творчества Чехова с традиционными китайскими представлениями о комическом проявилась в следующем: в простоте и лаконизме изображения обыденной жизни героев; в злободневности, которую отмечал Лу Синь у Чехова (гоминдановские правители боялись чеховской сатиры, затрагивавшей такие вопросы, которые были актуальными и для китайской общественности – рассказ «Лев и солнце» Чехова); в карикатурных штрихах к портретам интеллигентов, боящихся любых изменений; в присутствии лейтмотива сострадания к одинокому («маленькому») человеку (рассказы «Тоска» Чехова и «Моление о счастье» Лу Синя); в ироническом изображении печальной крестьянской судьбы: пассивность и невежество мешают народу пробудиться (однако в отличие от Лу Синя Чехов не придерживался революционных идей); в детализации и повторе детали как намеке на основную мысль рассказа (одноименные рассказы «Переполох»).

Чехов своим творчеством доказал, что лечить болезни души соотечественников «мягким» юмором намного важнее, чем болезни телесные. В этом обнаруживается несомненная параллель с китайскими представлениями о пороке и способами его исцеления. По китайским традициям, доктору платили не за исцеление больного, а за то, что на вверенном ему участке больных не было. В этом проявляется важнейшая функция китайского искусства – лечебная, профилактическая.

Сопоставление творчества Чехова и китайской традиции дает нам возможность не только проследить истоки и процесс проникновения русской классики в Китай, но и видеть, как сближаются культуры двух наций.

Великий Чехов, живший и творивший на излете XIX века, по своему мировоззрению оказался писателем, стоявшим на стыке традиции и современности, века двадцатого. Писателем Востока и Запада, темноты и света, – сами идеи его творчества таят в себе богатое историческое, культурное, социальное и жизненное содержание, и обладают какой-то вечной ценностью и смыслом вне времени и пространства.

Список литературы

1. Ван Лунлин. Современная китайская литературная история. Пекин, 2008. 212 с.
2. Ван Фуинь. Раннее творчество Лу Синя и русская литература. Шаньси: Народ, 1983. 268 с.
3. Ван Цзечжи. Дальние отзвуки – Русские писатели и китайская культура. Иньчуань, 2002. 408 с.
4. Го Мо-жо. Чехов на востоке. М., 1953. 122 с.
5. Ли Лянь-шу. Влияние Чехова на китайских писателей // URL: <http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/ml3/ml3-052-.htm> (Дата обращения: 11.07.2014).
6. Лу Синь. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 10. Пекин: Народная литература, 1981. 349 с.
7. Полоцкая Э. Юмор Чехова // URL: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000035/st001> (Дата обращения: 03.03.2013).
8. Чехов и мировая литература: в 2 книгах. Кн.1. М., 1997. (Литературное наследство. Т.100). 482 с.
9. Чэнь Чжэнминь. Исследования психологии творчества русских классиков: сб. ст. Тяньцзинь, 1990. 298 с.

IV. ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ, СООБЩЕНИЯ

ТРИ ПИСЬМА ИВАНА ИВАНОВИЧА ШУВАЛОВА, НАХОДЯЩИЕСЯ В ПАРИЖСКИХ БИБЛИТЕКАХ*

В своей статье, посвященной литературной деятельности французского масонского писателя XVIII века Теодора-Генриха Чуди, М.Н. Попова обратила внимание на участие И.И. Шувалова в освобождении Чуди, обвиненного в предательстве и арестованного в Париже весной 1756 г. [1]. «Трудно судить, насколько справедливо обвинение Чуди в предательстве», – писала М.Н. Попова, которая дальше прибавляла: «Самый факт его скорого освобождения и заступничество за него Дугласа говорят за то, что серьезных обвинений против него не было» [2]. Однако русский историк признавала, что «нам не достает здесь документов французского Министерства Иностранных Дел той эпохи, которые пролили бы свет на это дело» [3].

Письма, обнаруженные нами в двух Парижских архивных фондах, позволяют лучше восстановить историческую картину происшедшего и установить ту важную роль, которую сыграл фаворит императрицы Елизаветы Петровны И.И. Шувалов в освобождении Чуди. Своим вмешательством Шувалов устранил препятствие, неожиданно появившееся на пути к восстановлению дипломатических связей между двумя дворами, что он поставил себе целью.

Два первых письма И.И. Шувалова к Чуди, находящиеся сейчас в Парижской Библиотеке Арсенала (Bibliothèque de l'Arsenal), мы нашли в фондах крепости Бастилии. Они лежат в папке, состоящей из разных бумаг, изъятых у Чуди во время ареста в Париже, а также из протоколов его допросов и приказов о взятии под стражу и об освобождении из-под стражи. Третье письмо было обнаружено в фондах западных рукописей Национальной Библиотеки Франции. Оно является подлинником письма,

* Публикация, предисловие, перевод и комментарии А. Нивьера (Университет Нанси 2, Франция) // Гуманитарный вектор (Чита). 2000. № 1 (6). С. 97-110.

отправленного И.И. Шуваловым министру Людовика XV Рулье с просьбой освободить Чуди из Бастилии. Эти три письма подписаны собственноручно И.И. Шуваловым. На двух печать – И.И. Шувалова с гербом, изображающим единорога. Кроме этих писем мы публикуем здесь также ответ Рулье Шувалову. Подлинник находится в РГАДА, но точная копия с черновика хранится в фондах западных рукописей Национальной Библиотеки Франции в одном досье, содержащем большую часть переписки министра Рулье, относящейся к миссии тайного французского представителя при дворе императрицы Елизаветы Петровны, шевалье Дугласа [4].

Проходимец родом из города Меца в Лотарингии, бывший советник в королевском парламенте этого города, 28-летний барон Теодор-Генрих Чуди (известный также под именем шевалье Люси) появился в России в конце 1753 – начале 1754 года. Сначала он работал воспитателем у барона Строганова в Москве, затем актером во французской труппе в Петербурге, но вскоре он очутился на службе у молодого фаворита императрицы Елизаветы Петровны И.И. Шувалова, который сразу оценил в нем способность говорить на разных языках и знание европейской литературной жизни.

1754 г. в знак благодарности своему покровителю Чуди опубликовал в Амстердаме литературный сборник с посвящением “Come Ivan Ivanitche Chevaloff” [5]. С января 1755 г., благодаря помощи Шувалова, он стал издавать первый литературный журнал на французском языке в России – “Le Caméléon Littéraire”, который пользовался определенным успехом среди просвещенной русской публики.

Французские дипломаты, следящие за жизнью Российского двора, внимательно наблюдали за продвижением своего соотечественника: «Милости господина Шувалова его вывели из этой профессии [актера] ... Русские вельможи стали сразу его усердно принимать, рассчитывая на его благосклонность, и ждут в его обществе благоприятного момента, чтобы быть замеченными г. Шуваловым. Так как тот почти всегда пребывает внутри

дворца императрицы, он поручает господину Чуди попечение оказать людям честь посещения своего собственного дворца» [6].

Влияние Чуди на Шувалова казалось настолько значительным, что в Версале появилась даже одно время идея использовать его, чтобы благоприятствовать сближению России и Франции. «Я не сомневаюсь в том, что сей Чуди вам знаком. Возможно ли устроить таким образом, чтобы он по каким-нибудь семейным или другим делам обратился к вам, а взамен вы получили от него какие-нибудь сведения или услуги», – писал государственный секретарь Рулье к французскому резиденту в Варшаве Франсуа-Мишелю Дюрану [7]. Однако, Дюран, который хорошо знал Чуди еще в Меце [8], откуда оба происходили, отсоветовал прибегать к услугам Чуди, охарактеризовав его следующими словами: «У господина Чуди все недостатки молодости. <...> Его приключения свидетельствуют о его характере. Он легкомысленный, надменный, извращенный, беспорядочный, распутный» [9]. Тот же Дюран отзывался довольно резко и о литературных наклонностях Чуди: «Эта судьба не отняла у него пристрастие к письменности и он издает периодический листок, который рассылает тем, которые стараются попасть в милость к его покровителю» [10].

В последние числа декабря 1755 г. по пути из Петербурга в Париж Чуди встретился в Риге со своим соотечественником Жозефом Мейссонье, агентом французского посольства в Варшаве, который ехал в Петербург с тайным поручением следить за вооружением России, снаряжавшей для Англии армию, и «выяснить кто из куртизанов, или министров императрицы наилучшим образом расположен к союзу с Францией» [11]. Мейссонье вручил Чуди пакет, с просьбой сдать его на почту в Мемеле. Поручение Чуди не исполнил. Обнаружив, что в пакете зашифрованное письмо к Дюрану, он предпочел отправить его своему покровителю И.И. Шувалову. По получении письма Шувалов приказал арестовать Мейссонье и доставить его в Петербург под строжайшим секретом, чтобы канцлер А.П. Бестужев-Рюмин об этом не узнал. По всей вероятности, Шувалов опасался отрицательной реакции со

стороны канцлера, известного своей неприязнью к идее сближения Франции и России. Расшифрованное письмо как раз давало бы повод графу Бестужеву подозревать Францию в недоброжелательности по отношению к России. В своем письме Мейссонье советовал Версальскому министерству поднять польских магнатов и крымских татар на войну против Российской империи с целью затруднить предположительное выступление русской армии в Европе вместе с Англией [12].

Мейссонье был арестован в Риге 13/24 февраля и обыскан Воейковым. До обыска он успел уничтожить некоторые документы, среди них – письма от Рулье [13]. Прибыв в Петербург, Мейссонье был подвергнут допросу И.И. Шуваловым в течение четырех дней, а затем тайной следственной комиссией, состоящей из вице-канцлера М.И. Воронцова и графа П.И. Шувалова. После допроса русские сановники пришли к заключению, что «сей француз прямой и небезопасный шпион» [14]. Мейссонье был заключен в Шлиссельбургскую крепость. Но до того, когда он еще находился под стражей во дворце графа Петра Шувалова на Мойке, ему удалось уведомить свое начальство о постигшем его несчастье. Подкупив одного из солдат-сторожей, он отправил через шведского атташе письмо, в котором изложил все случившееся и указал на роковую роль Чуди, потребовав его немедленного ареста за такое предательство [15].

Между тем, Чуди добрался до своего родного города Меца, где он имел намерение якобы оставаться. По каким-то причинам, пока еще нами не выясненным, у Чуди не было желания вновь вернуться в Россию, несмотря на заманчивые предложения И.И. Шувалова, который был готов назначить его секретарем новоучрежденного Московского университета. Известно, что Чуди получил предложения не только от Шувалова, но и от его соперника в делах просвещения и культуры – графа Алексея Разумовского, президента Академии наук. Вполне возможно, что Чуди побоялся стать жертвой этой борьбы и испытать недоброжелательство одного, выбрав другого.

Однако, из ниже публикуемых писем Шувалова становится ясным, что Чуди имел еще какое-то поручение или миссию от него, которую он должен был исполнить по приезду в Париж. В связи с этим Шувалов неоднократно жалуется на то, что Чуди не спешит в Париж. Из разговора между канцлером Бестужевым и английским послом Чарлзом Уильямсом мы знаем, что И. Шувалов уже давно являлся главным сторонником восстановления официальных связей между Россией и Францией.

«Наша беда заключается в том, что у нас теперь молодой фаворит, который умеет говорить по-французски и любит французов и их нравы», – сожалел граф Бестужев, на что английский посол прибавлял в депеше к своему правительству: «Совершенно ясно, что решение начать предприятия, чтобы улучшить отношения с Версальским двором, было принято здесь на много до того, как начали говорить о возможности договора между Англией и Пруссией, и только для того, чтобы угодить молодому графу Шувалову, который твердо решился на приезд французского посла в сей двор» [16]. По-видимому И.И. Шувалов надеялся, что Чуди сможет войти в контакт с кем-нибудь из важных сановников Французского двора и убедит его содействовать в пользу пересмотра отношений между двумя странами, разорванными в 1784 г.

После некоторых колебаний Чуди решился исполнить свою миссию. Но, получившие предупредительное письмо от Мейссонье, французские власти уже разыскивали его по всей стране. 5/16 мая, вскоре после приезда в Париж, Чуди был арестован и заключен в Бастилию по просьбе секретаря Иностранных Дел А.-Л. Рулье [17]. В Бастилии Чуди пробыл три месяца. Во время первых допросов он признал все обвинения, кроме предательства. Он подробно объяснил, что доверять незнакомому Мейссонье у него не было резона, тем более, что его поведение выглядело странным [18]. Поэтому ему показалось более благоразумным передать письмо Шувалову с тем, чтобы тот имел лучшее представление о роде деятельности Мейссонье в России.

Шувалов узнал о судьбе Чуди недели через три после его ареста. Известие было получено или благодаря французским знакомым Чуди, пребывающим в Петербурге, или, скорее всего, прямо от родителей несчастного заключенного. Из второго письма, нами здесь публикуемого видно, что Шувалов состоял в переписке с родителями своего бывшего секретаря. Причина ареста Чуди не была известна Ивану Ивановичу, но какое-то предположение у него явно было. В письме к Воронцову от 30 мая / 11 июня читаем: «Я сегодня получил из Парижа сожалетельную весть, что "шевалье Люсси" (по-французски в тексте) арестован и взят в Бастилию. Хотя там причины его бесчестья не знаю, токмо то Вашему сиятельству без труда дознать можно. Я намерен говорить о шевалье Дугласу, о чем и Ваше сиятельство прошу, чтобы оказывая нашего сомнения о причине его ареста: может быть что-нибудь и другое сделано им от неудобной иногда живости французской» [19].

1 июня Михаил Воронцов писал секретарю Коллегии Иностранных Дел, только что отправленному в Париж, чтобы возобновить дипломатические связи с Францией, надворному советнику Федору Бехтееву: «Третьего дни его превосходительство Иван Иванович Шувалов получил из Парижа известие, что шевалье Люсси арестован и в Бастилию посажен, токмо о его преступлении неизвестно. Я поручил господину Дугласу на сегодняшней почте писать к господину Рулье, чтоб приказал он того Люси освободить, чего ради надлежит и вам постараться о скором его освобождении, чем немало услугу Ивану Ивановичу окажете; по меньшей мере объявлено бы было, какие преступления он учинил» [20].

В депеше Терсье, о которой говорит Воронцов, Дуглас писал: «По получении последней почты стало известно событие, которое произвело здесь некую сенсацию. Речь идет о частном лице французского подданства, известном здесь под именем шевалье Люсси, который уехал во Францию несколько месяцев назад, имея надлежащие паспорта, чтобы заниматься

своими семейными делами и с надеждой вернуться потом на службу к его превосходительству камергеру Ивану Ивановичу Шувалову, был арестован у вас и посажен в Бастилию 15-го прошлого месяца. Благосклонности, кои некоторые вельможи оказывали ему, его теперешнее состояние на службе у одного из них, от которой он еще не освобожден, приводят к тому, что оба – господин вице-канцлер и господин камергер Иван Иванович Шувалов, просили меня честь иметь Вам написать, чтобы по возможности получить осведомление о причинах, которые побудили министерство задержать этого шевалье Люсси, дабы, если ничего нет предсудительного или преступного против него, они смогли проявлять приличный интерес к его судьбе и просить его освобождение» [21].

Из разговоров с Дугласом стало ясно русским, что французская сторона была уже в курсе приключений своего агента в России и обвиняла Чуди во всем происшедшем. 4/15 июня Воронцов послал новые инструкции Бехтееву, настаивая, чтобы французские запросы о Мейссонье не помешали сближению между двумя дворами: «[...] Для избежания лишних переписок, ежели вам будет говорено о известном Мессоньере, то вы можете прямо сказать, что с ним весьма умеренно поступаемо было, и что он дерзостным своим поведением в Риге, а особливо отчаянными и непозволительными экспрессиями в цифирном своем клочке Дурану, великие подозрения и сумнительства причинил и заслуживал жестокое себе истязание; токмо Е.И.В. по сродному своему милосердию и уважению к Франции не повелела его, хотя действительно шпионом обличенного, по законам наказать, и содержится под караулом со всяким довольством. А что сей плут, будучи под караулом, нашел способ письмо послать к г. Рулье, о том я немало удивляюсь и чрез сей поступок вящее здесь беспокойство причинил; потому что чаятельно не остановится без исследования, и многие неповинные люди погибнуть могут» [22]. Одновременно Воронцов указывал возможный выход из положения, предлагая обмен двух заключенных: «Ежели французское министерство желает его на свободе видеть, то бы начало учинили

освобождением Люсси из Бастилии и к вам с требованием о свободе его адресовались, а вы можете сюда на донесение взять» [23]. Ту же мысль развивал Дуглас, который со своей стороны советовал, может быть, под влиянием его русских собеседников: «...Что касается услуг, которые вы хотите, чтоб я оказал в пользу того, кто находится в бедах, утверждают мне здесь, что услуги будут благосклонно приняты, когда бы будете отвечать на последнее мое письмо от 12-го сего месяца по новому стилю и вы будете уведомить о том, что вы не захотели исполнить закон возмездия по злопамятству к приему, употребленному сей стороной. Носитель моего письма от 24 мая Вам даст объяснения об этом деле, которое нуждается в осторожности и такте, принимая во внимание человека, который проявляет интерес к сидящему у Вас, несмотря на сведения о вреде, оказанном им другому, и несмотря на то, что он на самом деле большой негодяй. Разрешите высказать то, что я считаю подходящим, чтобы прекратить дальнейшее развитие этого дела. Срежьте с вашего тела этот пораженный гангреной член, высылая его из вашей страны с запрещением возвращения в будущем. Я уверен, что здесь не откажутся вам в возмещении, немедленно посылая Вам другой член, столь пораженный гангреной, или подвергающийся оной. Имеющий уши да слышит!» [24].

Со своей стороны Воронцов уговорил Бехтеева и разрешил ему ставить вопрос о судьбе Чуди, если французы начнут говорить ему о Мейссонье. «... При последнем моем письме от 4 июня я вам сообщил копию с письма от Терсиера к Дугласу от 11 мая. Между прочим, вы усмотрели, что к нему писано было о известном Мессоньере. А здесь прилагаю к вам экстрат ответного от Дугласа к нему письма. Вследствие оных вы, будучи о сем деле известны, старание ваше прилагать можете что до свободы Люсси касается. Равномерно и в случае вам отзывов о сем Мессоньере ответственность можете по письму моему от 4 июня...» [25]. Как только он получил свои новые инструкции, Бехтеев поспешил написать Воронцову, что он их исполнит как можно усерднее: «О Мессоньере и Люсси [...] буду точно исполнять по

данному мне милостивому вашего сиятельства наставлению, особливо должен крайние старания употребить в пользу бедного Люсси» [26].

Между тем, Иван Иванович решился написать сам французскому государственному секретарю по Иностранним Делах с тем, чтобы похлопотать у него об освобождении Чуди. 29 июня (10 июля, по новому стилю) он написал письмо господину Рулье и объяснил, насколько ему была близка судьба барона Чуди. Шувалов хотел вывести французского министра из заблуждения насчет своего «бывшего секретаря в делах Московского университета». Соглашаясь с тем, что Чуди посажен в Бастилию «по причине поведения, которого [он] не [претендует] оправдать в полной мере», русский вельможа настаивал на смягчающих обстоятельствах, чтобы представить Чуди «[не] столь виновным, как можно было то думать». Разоблачая Мейссонье как шпиона, Шувалов не без доли наивности оправдывал поведение Чуди в Риге, и вопреки действительности, он утверждал, что Мейссонье был арестован по доносу третьего человека.

Обеим сторонам следовало выпутаться из затруднительного положения чего бы этого ни стоило. Было условлено, что взамен освобождения Чуди Мейссонье сможет уехать из России. Шувалов намекнул, что заключение новых дипломатических отношений между двумя дворами во многом будет зависеть от судьбы двух заключенных. «Благоприятные обстоятельства, в коих ныне пребывают наши два Двора убеждают меня в том, что мы, особливо благодаря Вашему попечению, увидим отныне воцарение совершенного согласия между Россией и Францией. Я осмеливаюсь уверить Ваше сиятельство в том, что получение его ответа на мое первое письмо тотчас будет иметь следствием освобождение из под ареста шевалье и я льщу себя надеждой, что Ваше сиятельство соизволит посредством своего могущественного влияния добиться для барона Чуди такой же милости, кою я счел бы за особую Вашу ко мне благосклонность, и за которую непременно явил бы признательность Вам», – читаем в письме Шувалова.

Разумеется, всесильный фаворит согласовал свои действия с своим другом и единомышленником, вице-канцлером. В депеше, отправленном в тот же день Воронцовым Бехтееву, было сказано: «При самом окончании сего письма я получил от его превосходительства Иван Иванович Шувалова к вам письмо, в котором приложено за отворчатою печатью к господину Рулье письмо; вы имеете оное его превосходительству подать, оставя у себя копию и стараться, чтоб Люсси был освобожден, и что по тому делается, обстоятельно ко мне и к его превосходительству отпишите» [27]. Таким образом, освобождение Чуди, потребованное русскими в качестве обязательного условия при восстановлении сношений между Россией и Францией, становилось делом государственной важности.

Приехав в Париж 6/17 июля, Бехтеев поспешил в Компьен, где летом король Людовик XV имел обычай охотиться со своими министрами и приближенными. В течение двух дней, 11-12 / 22-23 июля, русский поверенный имел первые деловые разговоры с главами французской дипломатии, государственным секретарем Рулье и его первым помощником Терсье, который помимо министра занимался тайной королевской дипломатией. Было решено восстановить дипломатические связи и обмениваться послами. До их приезда Бехтеев назначался поверенным делами в Париже, а Дуглас соответственно в Петербурге. Во время разговоров речь также шла о двух заключенных. В депеше к Воронцову от 14/25 июля Бехтеев объявляет о том, что текст совместной декларации о восстановлении дипломатических связей подписан, и сразу прибавляет, что французы пообещали освободить Чуди и высказывают уверенность, что русские поступят так же по отношению к их агенту: «Сейчас согласился я с г. Рулье о декларации, которая сего дня написана, а завтра разменена будет. [...] Помянутый министр, на учиненныя мною заступления именем вашего сиятельства и его превосходительства Ивана Ивановича в пользу г. Люси исходатайствовать ему свободу, мне объявил, что он чрез два дни выпущен будет. При том говорил мне г. Рулье, что он надеется, что и с нашей стороны

равномерно поступлено будет с известным Мессоньером, и просил меня, чтоб я к вашему сиятельству о том отписал, что я принял за донесение и, благодаря ему за скорое исходатайствование свободы Люсси, обещал то учинить, прибавляя к тому, то я не сомневаюсь, чтоб в том затруднения учинены были, хотя оной человек, сколько мне известно, преступлениями своими не токмо заточения, но и жесточайшего наказания достоин, от чего только одно великодушие и милосердие Е. И. В. его избавило» [28].

26 июля (6 августа) Бехтеев послал Воронцову депешу, в которой он сообщил об освобождении Чуди: «Прошлого вторника, т. е. 23 сего месяца, барон Чуди, что назывался Люси, действительно из Бастилии выпущен. Министр приказал г. Терсиеру меня о том уведомить письмом, которое в оригинале с копиею моего на то ответа прислать непримину. Здесь надеются, что ваше сиятельство и его превосходительство Иван Иванович изволите взаимно исходатайствовать свободу бедному Мессоньеру; оное им весьма приятно будет; для того и я, приняв здешние о том домогательства на доношение, уверил, что конечно в том, как я думаю, великого затруднения не будет» [29]. В донесение Бехтеева вкралась одна небольшая ошибка. Из досье Чуди, хранящегося в архивах Бастилии, видно, что Чуди был выпущен из крепости не 23 июля, а накануне, 22 (т. е. 2 августа, по новому стилю) [30]. Решение об его освобождении было принято 17/28 июля [31], а король Людовик XV подписал указ об освобождении 31 июля [32].

Остается еще одна интересная загадка. А что случилось с письмом, отправленном Иваном Шуваловым французскому министру? Оказывается, Бехтеев его непосредственно не вручил, а по каким-то соображениям подождал того момента, когда Чуди очутился на свободе. «Понеже барон Чуди из Бастилии выпущен, то я не знаю, подавать ли мне письмо его превосходительства Ивана Ивановича, наипаче для того, что в нем имянно упомянуто, что он в службе Российской, чего Чуди опасается, дабы то не причтено было ему в вину: потому что без позволения королевского ему, как советнику парламентскому, в службу другого государя было не можно», –

объяснил Бехтеев Воронцову в уже процитированной депеше от 26 июля (6 августа) [33]. Но потом Бехтеев как тонкий дипломат с большим опытом подумал и решил передать это кажущееся уже не нужным письмо с целью получить от французского министерства официальное письменное прошение об освобождении их агента, взятого под арест в России по обвинению в шпионаже. Итак, неделю спустя, 3/14 августа, Бехтеев написал Воронцову: «Письмо его превосходительства Ивана Ивановича я господину Рулье для того за пристойно вручить рассудил, дабы от него иметь в ответ письмо, в котором бы о свободе Мессоньера с здешней стороны требовано б было, как-то и впоследствии, и оное при моем письме, включая, здесь к его превосходительству посылаю» [34].

Как и рассчитывал Бехтеев, французский секретарь по Иностранным Делам поспешил ответить фавориту Российской императрицы. Рулье соглашался с тем, что сближение между двумя дворами не должно стоять под угрозой из-за приключений таких проходимцев как Мейссонье или Чуди. Не вдаваясь в полемику о причинах ареста Чуди, он утверждал, что проявленный Шуваловым интерес к судьбе этого человека был достаточным аргументом, чтобы его немедленно освободить. «Сие приказание было исполнено еще до получения письма от Вашего сиятельства», – известил Рулье, прибавляя, что «господин Бехтеев о том, несомненно, ему отпишет». Задавая вопрос о Мейссонье, Рулье в свою очередь старался сгладить неприятные впечатления и предлагал предать забвению его поведение, которое «может быть, скорее неосторожное, нежели преступное». Кроме того, он ожидал от русского двора исполнение обещания насчет несчастного французского агента: «То, что Ваше сиятельство прибавляет по поводу г. Мессоньера, заключенного также под стражу в Петербурге, не позволяет мне усомниться, что не приложены будут все усилия, дабы привести его сходным же образом к свободе» [35].

Согласно своему обещанию, И.И. Шувалов похлопотал об освобождении Мейссонье. 20 августа (4 сентября) Михаил Воронцов писал Бехтееву: «Вчера его превосходительство И.И. Шувалов по указу Е.В.

объявил известному Мессоньеру свободу; токмо он, будучи не совсем здоров, может быть для того на сей почте к господину Рулье сам писать не будет; а вы имеете немедленно о том господина Рулье уведомить. Я оного Мессоньера на силу узнал: столь он похудел; теперь очень смирен» [36]. Через два дня Шувалов попросил вице-канцлера Воронцова официально оповестить обо всем этом французского поверенного Дугласа [37], что и было исполнено несколько дней спустя [38]. 31 августа (11 сентября) Мейссонье был выпущен на свободу и даже представлен императрице во дворце [39]. Пробыв еще три месяца в Петербурге, чтобы поправить свое здоровье, он окончательно покинул Россию в первых числах декабря 1756 г. [40], имея при себе поручительные письма от Шувалова и Воронцова [41].

Чуди также не спешил вернуться в Россию, но по совершенно другим причинам. В конце зимы 1756-1757 гг. Воронцов писал Бехтееву: «Вы мне ничего не пишете о известном Мессоньере, получил ли он себе какое место или награждение? Также и о шевалье Люси неизвестно, куды девался и что он в Париже делает?» [42]

Французская полиция, которая продолжала следить за Чуди после его освобождения, была намного лучше осведомлена. «С тех пор как он был выпущен из Бастилии, он был подозреваем в переправке в Петербург французских ремесленников и сдельщиков всякого рода», – отмечал возглавляющий Парижскую полицию военный министр граф д'Аржансон [43]. Чуди не вернулся в Петербург до середины мая 1757 г., как об этом свидетельствует короткое замечание Воронцова в депеше к Бехтееву: «На сих днях сюды шевалье Люсси морем приехал и у меня вчерась был; весьма хвалится вашею ласковостию к нему» [44].

* * *

№ 1. Письмо И.И. Шувалова к Т.-Г. Чуди. от 9-го (20-го) марта 1756 г. (местонахождение: Библиотека Арсенала. Фонд Бастилия. Ms 11945. Л. 292 и об.).

Monsieur, je vous remercie de la lettre écrite de Brunswick. Je suis charmé que vous ayez passé agréablement votre séjour dans ce pays. Je souhaite que le reste de votre voyage vous procure la même satisfaction. Je vous accuse encore par celle-ci d'avoir reçu votre lettre de Riga par monsieur Voeykoff avec un petit poème en vers que vous m'avez fait plaisir de m'envoyer. Tout est passé chez moi dans son temps. Monsieur Voeykoff a joint votre lettre à la sienne. Les vers en question sont assez intéressants. L'auteur est venu lui-même ici à Saint-Pétersbourg, il a été chez moi quatre fois, comme c'est un jeune homme et qui n'ose pas se déclarer poète public, i I m'a voulu nier que c'était de lui, pourtant à la fin, il m'avoua et il vous soupçonne de m'avoir procuré son ouvrage quoique je lui ai opposé le contraire, cependant ayant fait plus de connaissance avec lui, il est conteur, [effacé: croyez?] moi! Vous savez que je ne suis pas fort dans la langue allemande pour pouvoir entendre son ouvrage, mais je l'ai fait mettre en français. Les impertinences dont elles étaient remplies ne méritent pas qu'il puisse encore monter au Parnasse et je crois bien qu'il n'écrira plus. Je souhaite vous revoir ici, monsieur, comme plusieurs seigneurs qui vous ont connu, au reste je suis avec beaucoup de considération votre très humble serviteur, Jean Schouvalow.

NB. Je suis fâché que vous n'irez pas à Paris, peut-être vous serez en état d'assurer votre aimable nation de passer dans nos climats. Vous pouvez les détromper sur le faux bruit que nos ennemis tâchent de répandre comme si les seigneurs français ne sont pas bien reçus ici. Vous êtes témoins comme on a reçu le comte de Gisors [Gisors]. Vous ferez service aux deux nations si vous avez quelques connaissances parmi les grands de leur assurer le contraire. Schouvalow.

Милостивый государь, благодарю за письмо из Брюнсвика. Я рад, что Ваше пребывание в сей стране было приятным. Я желаю, чтобы остаток путешествия принес Вам такое же удовлетворение. Вместе с сим уведомляю, что получил Ваше письмо из Риги, доставленное господином Воейковым [45] и содержащее небольшую поэму, отправкой коей Вы сделали мне удовольствие [46]. Все дошло до меня своевременно. Господин Воейков

приложил Ваше письмо к своему. Помянутые стихи немало интересны. Автор [47] оных приехал в Санкт-Петербург [48] и был у меня четыре раза. Однакоже, будучи человеком молодым и побоявшись объявить себя поэтом, он хотел отрицать свое авторство, тем не менее, в конце он мне в оном признался, но подозревает, что Вы передали мне его произведение, хотя я и возражал в то же время, познакомившись с ним ближе, автор – он, [стерто: верьте?] мне! Вам известно, что я не силен столь в немецком языке, чтобы понять оное произведение, а посему я отдал перевести его на французский язык! [49] Несовершенства, коими оно наполнено, не заслуживают, чтобы автор смог еще подняться на парнас, и я полагаю, что больше писать он не станет. Я желаю, государь, снова свидеться с Вами здесь, как и многие господа, Вас знававшие. Остаюсь с глубоким почтением, Ваш покорный слуга, Иван Шувалов.

P.S. Я сердит, что Вы не едете в Париж, возможно, Вы будете в состоянии убедить Вашу любезную нацию ехать в наши края. Вы можете уверить их в ложности слухов, кои враги наши стараются распространять о том, что французским господам здесь оказывается скверный прием. Вы сами были свидетелем того, как был принят здесь граф Жизор [50]. Вы окажете услуги обеим нациям, если у Вас есть в высоких кругах знакомые, коих Вы уверите в обратном.

№ 2. Письмо И.И. Шувалова к Т.-Г. Чуди. от 2-го (13-го) апреля 1756 г. (местонахождение: Библиотека Арсенала. Фонд Бастилия. Ms 11945. Л. 298 и об., P.S. Л. 311).

Monsieur, j'ai eu la satisfaction de recevoir votre lettre écrite de Metz. Je suis charmé d'apprendre qu'après avoir fini votre voyage vous jouissez dans les bras de votre famille. Je suis fâché en meme temps que vos affaires vous empêchent de vous rendre au temps que vous avez promis. Cependant j'espère que vous tiendrez votre parole. Je vous prie de faire mes remerciements à monsieur votre père de la lettre obligeante qu'il m'a écrite, à laquelle j'ai répondu sur la poste passé. Vous me demandez, monsieur, qu'elles seront nos conditions ici. Je vous averti done que si

vous voulez venir, vous pourrez occuper la place de secrétaire d'université avec deux milles livres d'appointements, quartier franc, un carrosse et encore quelques bagatelles que vous avez toujours eues. Cette place, vous l'avez eue seulement en titre jusqu'à présent: vous pourrez l'avoir en fonction. Les prerogatives d'université sont déjà confirmées: ainsi le secrétaire est déjà autre chose qu'il n'a été. Je puis vous assurer, monsieur, que plusieurs de nos gentilshommes prétendaient à cette place qu'on croit être vacante. Cependant je ne la donnerais à personne avant de recevoir une réponse positive sur ma lettre. Donc j'espère, vous ne retarderez pas. Je regrette beaucoup que vous n'irez pas à Paris. Peut-être vous détromperiez beaucoup de vos jeunes seigneurs qui n'hazardent pas de faire leur voyage dans nos climats. Vous qui étiez témoins de quelle manière on a voulu recevoir le comte de Gizor, vous qui avez été si longtemps dans notre pays, vous pourriez rendre service à votre patrie comme aussi à la notre sur quantité de choses de cette nature, dont plusieurs préjugés fortifiés par les intrigues de gens mal intentionnés. Ces raisons me paraissent assez valables pour penser y remédier. Au reste, monsieur, je suis toujours avec beaucoup de considération votre très humble serviteur, Jean Schouvalow.

PS. je vous ai déjà accusé réception d'avoir reçu la pièce en vers allemand par monsieur Voeykoff, l'autre qui est ici vous soupçonne de me l'avoir envoyé. Je lui ai dit le contraire, en lui faisant savoir que je les ai reçus d'un autre de Königsberg. Si l'occasion demanderait, vous direz la même chose. Au reste, vous pouvez être tranquille qu'il n'écrira rien contre vous, si longtemps que vous ne serez pas ici.

Милостивый государь, я был удовольствован получением Вашего письма, писанного из Меца. Я обрадован известием, что после своего путешествия Вы пребываете в объятиях Вашей семьи. Я сержусь одновременно, что дела Ваши не позволяют Вам приехать в обещанный срок. В то же время я питаю надежду, что Вы сдержите данное Вами слово. Прошу Вас поблагодарить от моего имени отца Вашего за любезное письмо, что он

мне прислал и на которое я дал ответ в предыдущей почте [51]. Вы спрашиваете у меня, государь, каковыми будут здесь наши условия. Я уведомляю Вас, что ежели Вы пожелаете приехать, то сможете занять место секретаря университета с жалованием в 2 тысячи фунтов, жильем, каретой и еще некоторыми пустяками, которые всегда у Вас были. Сию должность, которая положена была Вам прежде формально, отныне исправлять сможете в действительности. Прерогативы университета уже подтверждены и должность секретаря теперь совсем иное, нежели раньше. Я могу уверить Вас, государь, что многие из наших господ дворянского звания претендовали на сию должность, свободной ее почитая. Однако ж, я никому не отдам оной, не получив прежде положительного ответа на мое письмо [52]. Посему я надеюсь, что Вы не станете медлить. Я весьма сожалею, что Вы не едете в Париж. Возможно, Вы сумели бы вывести из заблуждения многих Ваших молодых дворян, кои не отваживаются поехать в наши края. Быв свидетелем того, каковым образом был встречен граф Визор, и прожив так долго в нашей стране, именно Вы могли бы оказать услугу как своей родине, так и нашему отечеству во множестве подобного рода вещей, среди коих немало предрассудков, укрепленных интригами людей, держащих в мыслях плохие намерения. Сии доводы мне представляются достойными, чтобы поразмыслить о том, как бы учинить в сем деле исправление. Остаюсь, государь, в совершенном почтении, Ваш покорный слуга, Иван Шувалов.

P.S. Я уведомил Вас о получении через господина Воейкова стихотворное произведение на немецком языке, автор которого, здесь пребывающий, подозревает, что Вы мне оное прислали. Я в сем разуверил его, сказав, что стихи получены мною от другого лица из Кенигсберга. Ежели обстоятельства того потребуют, говорите то же самое. Впрочем, Вы можете быть спокойны тем, что он ничего не станет писать против Вас, как бы долго Вы здесь не пребывали.

№ 3. Письмо А.-Л. Рулье к И.И. Шувалову от 19-го (30-го) июня 1756 г. (местонахождение: оригинал – РГАДА. Ф. 195. Оп. 1. Д. 6051. Л. 27 и об. Подлинная копия – Национальная Библиотека Франции. Фонд западных рукописей, m. fr, 10661, l. 65 и об.).

A Compiègne.

Monsieur, j'ai reçu par Monsieur Beckteïeff la lettre que votre excellence m'a fait l'honneur de m'écrire le 29 juin dernier. Sans entrer dans les raisons qui avaient déterminé Sa Majesté à faire mettre à la Bastille le sieur Tschudi, j'aurai, monsieur, l'honneur de dire à vôtre excellence qu'aussitôt que j'ai été informé de l'intérêt qu'elle y prend et de la protection dont elle l'honore, j'ai eu celui d'en rendre compte à Sa Majesté qui, par ce motif, a bien voulu ordonner que la liberté lui fût rendue. Cet ordre a été exécuté même avant que j'eusse reçu la lettre de votre excellence. Ainsi que Monsieur Beckteïeff le lui aura sans doute mandée, Ce que vôtre excellence ajoute au sujet du sieur Mayssonier détenu aussi à Pétersbourg ne me permet pas de douter qu'on ne veuille bien s'employer à lui obtenir pareillement sa liberté qu'il s'est mis dans le cas de perdre par une conduite peut être plus imprudent que coupable, et que je n'examinerai point non plus ici. Je suis charmé d'avoir pu trouver l'occasion de marquer dans cette affaire à votre excellence tous les sentiments que j'ai à si juste titre conçus pour elle, et le désir que j'ai de lui faire connaître (rayé: la haute) considération (ajouté:) la plus distinguée, avec laquelle j'ai l'honneur d'être, monsieur, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur. Rouillé.

В Компъене.

Милостивый государь, я получил через господина Бехтеева письмо, которое Ваше сиятельство имело честь направить мне 29 июня сего года. Не вдаваясь в причины, по которым Его Величество повелел заключить господина Чуди в Бастилию, я буду иметь честь, государь, сообщить об интересе, который Ваше сиятельство до сего дела проявляет и о протекции, коей его удостоивает, что я тотчас же имел честь о сем доложить Его

Величеству соизволившему по оной причине отдать приказу об его освобождении [53]. Сие приказание было исполнено еще до получения письма от Вашего сиятельства. Господин Бехтеев о том, несомненно, ему опишет. То, что Ваше сиятельство прибавляет по поводу г. Мессоньера, заключенного также под стражу в Петербурге, не позволяет мне усомниться, что приложены будут все усилия, дабы привести его сходным же образом к свободе, кою он утратил чрез поведение, может быть, скорее неосторожное, нежели преступное, в детали коего я здесь не стану также вдаваться. Я рад представившемуся в сем деле случаю засвидетельствовать Вашему сиятельству все те чувства, кои я совершенно справедливо к нему питаю и то желание выразить ему (в копии, хранящейся в НБФ, зачеркнуто: *высокое*, и заменено) совершеннейшее мое почтение, с каковым я имею честь быть, государь, Вашего сиятельства покорным слугой. Рулье.

Примечания

1. Попова М.Н. Теодор Генрих Чуди и основанный им в 1755 журнал 'Le saméleon littéraire' // Известия Академии Наук СССР. 1929 г. Отд. Гуманитарных наук. М.-Л., 1929. С. 29-30.
2. Там же. С. 37, 45.
3. Там же. С. 45.
4. Переписка А.Л. Рулье графа Жуи, министра Иностранных Дел, относящаяся главным образом к России. Февраль 1756 – январь 1757 / Национальная Библиотека Франции (далее НБФ), отд. западных рукописей, m.fr. 10661. О миссии шевалье Дугласа в России в 1755-1756 гг. см.: Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. – М., 1995. С. 77-127; см. также: Антуан М., Озаннам Д. Тайна Короля и России до смерти императрицы Елизаветы (по-французски). Bulletin de la Société d'histoire de France, 1954, Париж. С. 69-93.
5. Le philosophe au parnasse français ou le moraliste enjoué. Lettres du chevalier de L. et de m. de M, dédiées à S.E. le come Ivan Ivanitche Chevaloff, chambellan actuel de SMI de toutes les Russie. Amsterdam, 1754.
6. Шифрованная депеша Дюрана к министру Рулье за № 25 от 1 октября 1755 / Архивы Французского министерства Иностранных Дел (далее – Архивы фр. МИД). Политическая корреспонденция. Серия: Польша. Т. 245. Л. 221 и об.

7. Дешеша от 2 сентабря 1755 г. / Архивы фр. МИД. Политическая корреспонденция. Серия: Польша. Т. 249. Л. 32 об.
8. Как и Чуди, Франсуа-Мишель Дюран де Диздорф (1714-1778) был родом из северной Лотарингии и работал советником Королевского Парламента в Меце (1739-1748) перед тем, как перейти на дипломатическую службу. Он состоял резидентом в Варшаве с 1754 г. до 1760 г., затем в Лондоне, Вене и Петербурге.
9. См. шифрованную дешешу Дюрана к министру Рулье от 1 октября 1755 / Архивы фр. МИД. Политическая корреспонденция. Серия: Польша. Т. 245. Л. 220.
10. Там же. Л. 222.
11. Письмо первого помощника секретаря иностранных дел Жан-Пьера Терсье к Дугласу // Архив кн. Воронцовых (далее – АКВ). М., 1887. Т. 33. С. 339.
12. См. текст этого письма, восстановленный самим Мейссонье и отправленный им в письмо к Рулье от 10 марта 1756 г. / Архивы фр. МИД. Политическая корреспонденция. Серия: Россия – прибавление. Т. 8. Л. 186 и об.
13. Дата ареста Мейссонье установлена на основании документов Тайной канцелярии. ЦГАДА. Гос. Архив. Разряд VII. Д. 1762. Г. 1756. См.: Соловьев С.М. История России с древних времен. М., 1964. Кн. 12. Т. 24. С. 355.
14. Там же. С. 355.
15. См. подлинник этого письма, датированного 10 марта 1756 г., в Архивах фр. МИД. Политическая корреспонденция. Серия: Россия – прибавление. Т. 8. Л. 185 и об.
16. Дешеша Уилямса к лорду Олдэрэссу, от 9 июля 1756. См.: *La cour de la Russie il y a cent ans (1725-1783) (Русский двор сто лет назад)*. Берлин, 1858. С. 144.
17. Библиотека Арсенала (далее Б. Арс.) Фонд Бастилии. Ms 11945. Л. 218.
18. Там же. Л. 220-237 об.
19. АКВ. Т. 6. М., 1873. С. 274-275.
20. АКВ. Т. 33. С. 72-73.
21. НБФ, m.fr. 10661. Л. 29 и 30.
22. АКВ. Т. 33. С. 75.
23. Там же. С. 75.
24. НБФ, m. fr. 10661. Д. .32 и об.
25. Письмо Воронцова Бехтееву от 8/19 июня. АКВ. Т. 33. С. 79.
26. Письмо Бехтеева Воронцову от 27 июня/8 июля. АКВ. Т. 3. М., 1871. С. 151.
27. Письмо Воронцова Бехтееву от 29 июня/10 июля. АКВ. Т. 33. С. 102.
28. Письмо Бехтеева Воронцову от 14/25 июля. АКВ. Т. 6. С. 196-197.
29. Письмо Бехтеева Воронцову от 26 июля/6 августа. АКВ. Т. 3. С. 165.
30. НБФ, m. fr. 10661. Л. 62; Б. Арс., фонд Бастилия, Ms 11945. Л. 218.

31. "Честь имел доложить Его Величеству о желании графа Воронцова вице-канцлера Российской империи и графа Шувалова видеть выпущенным на свободу господина Чуди, заключенного в Бастилии. Король соизволил дать свое согласие на это. Я буду вам благодарен принять к исполнению приказ Его Величества и передать его как можно скорее кому следует с тем, чтобы сей человек смог вернуться к своим покровителям" (НБФ, m. fr. 10661. Л. 61.).
32. Б. Арс., фонд Бастилии. Ms 11945. Л. 292 и об.
33. Письмо Бехтеева Воронцову от 26 июля. АКВ. Т. 3. С. 166.
34. Письмо Бехтеева Воронцову от 3 августа. Там же. С. 172.
35. Оригинал в РГАДА. Ф. 195. Оп. 1. Д. 6051. Л. 27 и об.; подлинная копия находится в НБФ, m. fr. 10661. Л. 65 и об. Мы пользуемся случаем, чтобы здесь поблагодарить Дмитрия Никаноровича Костышина за предоставление копии оригинала, находящегося в РГАДА.
36. Письмо Воронцова от 20 августа. АКВ. Т. 33. С. 142.
37. Письмо Воронцова Бехтееву от 22 августа. АКВ. Т. 6. С. 281.
38. См. депешу Дугласа к Рулье от 11 сентября 1756 г. (НБФ, n. a. fr. 22010. Л. 16 об. -117).
39. См. письмо Мейссонье к Дюрану от 14 сентября 1756 г. (НБФ, m fr. 10661. Л. 72 и об.).
40. См. депешу Дугласа к Рулье от 7 декабря 1756 г. (НБФ, n. a. fr. 22011, л. 125 об.-126.).
41. См. депешу М.И. Воронцова к Ф.М. Бехтееву от 7 декабря 1756 г.: "Третьего дня известный Мессоньер отсюда к Дюрану отправлен по усиленному его прошению. Его превосходительство И. И. Шувалов и я ему дали к вам рекомендательные письма" (АКВ. Т. 33. С. 201).
42. См. депешу М.И. Воронцова к Ф.М. Бехтееву от 4 марта 1757 г. (АКВ. Т. 33. С. 248).
43. Б. Арс. Фонд Бастилии. Ms 11 945. Л. 214.
44. См. депешу М.И. Воронцова к Ф.М. Бехтееву от 24 мая 1757 г. (АКВ. Т. 33. С. 281).
45. На конверте печать с гербом Ивана Ивановича и адрес по-французски: "Господину шевалье де Люсси, советнику в Мецском Парламенте, в Меце улица Мозель".
46. Воейков Федор Матфеевич (1703-1778): русский дворянин, в молодости был послан учиться за границу при Петре Великом. Приближенный И.И. Шувалова, Рижский вице-губернатор (1752-1758), посланник в Варшаве (1758-1761), военный губернатор Кенигсберга (1761-1762), Киевский и Новороссийский губернатор (с 1766 г.).
47. И. И. Шувалов имеет в виду роковое письмо Мейссонье к Дюрану. Мейссонье де Валькруасан Жозеф (родился ок. 1730, дата смерти не установлена): французский офицер. Происходил из мелкой дворянской семьи Прованса. Работал в французском посольстве в Турине у маркиза Шетарди, затем стал воспитателем детей графа Калемберга в Дрездене, где

- был завербован Дюраном. После освобождения в России, служил во французской армии во время Семилетней войны. Ранен и взят в плен в битве под Бергеном. Освобожден из плена в 1763 г. В чине полковника исполнял разные тайные поручения французского министерства на Корсике, а также в Турции и Молдавии, где служил в рядах польских конфедератов. Французский посол в Константинополе его описывал как "чертово отродье" и "сорвиголову своего рода, который всегда готов бессовестно пуститься в рискованное предприятие".
48. Мейссонье прибыл в Петербург в конце февраля – начале марта.
49. Под переложением с немецкого на французский язык подразумевается И.И. Шуваловым расшифровка письма Мейссонье. Русский шифровальный отдел пользовался отличной репутацией, что видно из следующего отзыва французского Секретариата Иностранных Дел, который в 1750-ых гг. советовал своим агентам поступать как можно осторожнее, особенно в России: "Шифры совсем ненадежные в корреспонденции с Петербургским двором, в канцелярии которого всегда находятся очень умные люди, умеющие их расшифровать" (Архивы фр. МИФ. Политическая корреспонденция. Серия Россия. Т. 55. Л. 111).
50. Граф де Жизор (Gisors) Людовик-Мари де Фукэ (1732-1758): французский офицер, сын одного из крупнейших вельмож Версальского двора герцога де Бэль-Иль, маршала и военного министра при Людовике XV. В 1754 г. он предпринял большое путешествие по северной и центральной Европе, но на предложение Русского двора приехать в Петербург не ответил, что по-видимому очень огорчило окружение Елизаветы Петровны. Скончался на поле брани во время Семилетней войны.
51. Местонахождение этих писем пока неизвестно.
52. После возвращения в Россию в мае 1757 г. Чуди был действительно назначен секретарем Московского Университета. См. ордер И.И. Шувалова второму куратору Университета Ивану Ивановичу Мелиссино от 30 июня 1757 г.: "Имеющегося при мне французской нации барона де Чуди я заблагопринял по усмотрению моему в нем к тому способности определить в Московский императорский университет секретарем, чего ради для ведома Ваше высокоблагородие сим ордерую, а жалованье ему производить в год по триста рублей, из которого на нынешние полгода ему половина определенного жалованья здесь выдана будет» (цит. по Н.А. Пенчко, Документы и материалы по истории Московского университета второй половины 18 века. Москва, 1961. Т. 1. С. 70-71). Это назначение было условное, поскольку Чуди продолжал жить в Петербурге. На этой должности он пробыл до 30 сентября 1759, когда он был назначен гофмейстером в Пажеском корпусе, но вскоре он совсем покинул Россию и в 1760 г. поселился в Меце, где занимался масонской ложей до своей смерти в 1769 г. (Русский библиографический словарь. СПб., 1905. Т. 24. С. 447-448).

53. Чуди был освобожден 2 августа (22 июля) (Б. Арс. Фонд Бастилии, Ms 11 945. Л. 212 об. и 218), во исполнение собственноручного приказа Людовика XV коменданту Бастилии майору Бэлю: "Господин Бэлю, пишу Вам это письмо, чтобы сказать Вам, что мое намерение такое, чтобы Вы выпустили на свободу господина Чуди, который был заключен согласно моему приказу в моей крепости Бастилии. Молю Бога, чтобы он вас свято хранил. В Компъене, 31 июля 1756. Людовик" (Б. Арс. Фонд Бастилии. Ms 11945. Л. 212).